

№9

Сентябрь 2017

РУССКИЙ КЛУБ

ИСТОРИЯ ГЛАЗАМИ
ЗУРАБА ЦЕРТЕЛИ

С. 6

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Донара КАНДЕЛАКИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№9
(143)
Сентябрь 2017

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ИСТОРИЯ ГЛАЗАМИ ЗУРАБА ЦЕРЕТЕЛИ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
- 15 «СОЛО МОНО» НАШЕГО СООТЕЧЕСТВЕННИКА
МАРИЯ ФИЛИНА
- 20 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 27 ЭПИЗОДЫ ГРУЗИНСКОГО ДЕТСТВА
КСЕНИЯ ЛОМИАШВИЛИ (ПЫШКИНА)
- 31 ВДОХНОВЕННАЯ РАБОТА
- 32 «НАС СВЯЗЫВАЛА МНОГОЛЕТНЯЯ ДРУЖБА»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 37 В ГОСТЯХ У ЮНЫХ ЗРИТЕЛЕЙ
МЕДЕЯ ЛОМИЯ
- 38 ЗДРАВСТВУЙ, РОССИЯ!
НИНА ШАДУРИ
- 40 ОТМЕЧЕННЫЕ БОГОМ
ТЕЙМУРАЗ АБАШИДЗЕ
- 44 ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЛЮБВИ
АНАИДА БЕСТАВАШВИЛИ
- 46 В НАЧАЛЕ БЫЛО...
КАРИНА ЗУРАБОВА
- 51 ЭКСПРЕССИВНАЯ ГРАФИКА ГУРАНДЫ КЛИБАДЗЕ
КАРИНА ПОГОСОВА
- 53 БЫТЬ МОЛОДЫМ
АЛЕКСАНДР КАЛАНТАРОВ

На обложке – Зураб Церетели. Мемориальный комплекс «Летопись Грузии»
Фото **Александра Сватикова**

от ДО

■ Роб АВАДЯЕВ

ПОЛШАГА ДО ЛАМПОЧКИ

В наше время даже первокурсники знают, что Колумб открыл Америку не первым. До него были и викинги, и китайцы, и предки современных басков и чуть ли не древние финикийцы. Кого в веках, как выясняется, там только не было. Так же было и почти со всеми маломальскими важнейшими изобретениями. Вот, скажем, лампа накаливания. Выясняется, что первым был вовсе не знаменитый Эдисон, а с добрый десяток первоклассных ученых-предшественников, начавших свои изыскания аж на рубеже XVIII-XIX веков. Особенно много среди них было русских, и вовсе не потому, что «Россия – родина слонов». Просто это северная страна, темнеет зимой рано, а зимы длинные – свечей не напасешься. Не сидеть же, в самом деле, при лучине, как при царе Горохе. Вот и решили русские умельцы приспособить новооткрытое физическое явление на благо общества и всего прогрессивного человечества. И вот Петров в 1802 году открыл электрическую дугу, потом пришло время профессора Якоби, затем в 1856 году изобретатель Шпаковский создал установку с одиннадцатью дуговыми лампа-

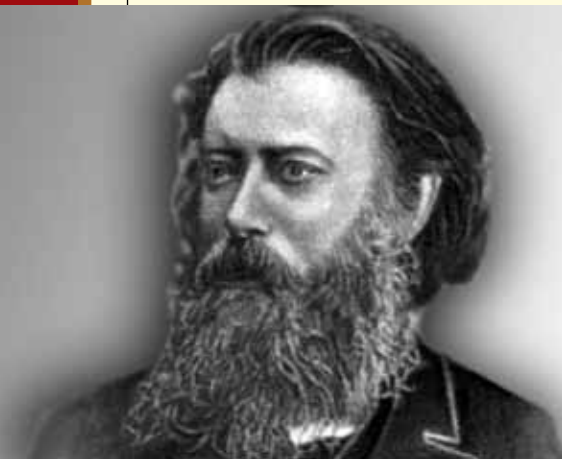
ми, в 1869 году Чиколев применил к дуговой лампе дифференциальный регулятор для мощных морских прожекторов (кстати, подобные используются до сих пор). И вот, наконец, в России появился герой нашего сегодняшнего обзора – выдающийся русский электротехник Павел Николаевич Яблочков, которому 14 сентября исполняется 170 лет со дня рождения. Он изобрел простую и надежную дуговую лампу. Но на родине это мало кого заинтересовало. Пришлось уехать в Париж и поступить на работу в знаменитую часовую фирму Брегетт. Работал он хорошо и плодотворно, много изобретал, но техническое решение управления горением дуги все никак не приходило – не хватало регулятора. И тут помог случай. Зашел Павел Николаевич в быстро пообедавший, сидел погруженный в свои мысли, как вдруг увидел, что парижский гарсон, сервируя стол, очень тщательно выравнивал вилку с ножом – строго параллельно и на одном уровне. Вот оно! – электроды нужно было установить вертикально рядом, тогда они будут выгорать равномерно. Попробовал, получилось, запатентовал. Так появилась знаменитая свеча Яблочкова. А спустя пару лет русский морской офицер Хотинский посетил в Америке лабораторию Эдисона и подарил хозяину «свечу Яблочкова» и последнюю разработанную лампу накаливания инженера Лодыгина. А 27 января 1880 года предприимчивый американец запатентовал «изобретение века», сделавшее его имя бессмертным. Любопытно однако, что же конкретно изобрел сам Эдисон – великий изобретатель, делец, ловкий пройдоха и немножко плагиатор? Нить накаливания, стеклянный вакуумный баллончик и патрон с резьбой. Что ж, как говорил гениальный Пабло Пикассо: «Хорошие художники копируют, а великие воруют».

А ПОТОМ БЫЛ АЗЕНКУР

Да, было великое сражение при Азенкуре и бессмертие! Великий английский полководец и король Генрих V прожил всего 35 лет. Он родился 16 сентября 1387 года в Уэльсе. Он был первенцем своего отца короля Генриха IV Болингброка, который вступил на трон, свергнув своего кузена Ричарда II – сына другого великого полководца Черного принца. Ему очень хотелось создать новую крепкую династию, и

он очень расстраивался, что его сын принц Гарри вел себя вовсе не как соратник и наследник. По Шекспиру Гарри пьянствовал вместе с беспутным Фальстафом и волочил за всеми встречными юбками. «Ах, Гарри, Гарри», – вздыхал печальный король-узурпатор. Но так продолжалось только до тех пор, пока был жив Генрих IV. Вступив на трон, Гарри преобразился и остался в памяти потомков великим монархом и полководцем. Он с успехом продолжил Столетнюю войну. По началу молодой король просто хотел совершить военную миссию на континент, чтобы отбить парочку городов и показать, что с ним нужно считаться. Французы, решив, что Гарри легкая добыча, решили наказать зарвавшегося юнца. Они повели ему на встречу мощную и многочисленную армию, собрав под знаменами весь цвет рыцарства. Англичанин, имея вчетверо меньше людей, понял, что ему придется несладко, и попросил пропустить его в Кале, чтобы отплыть домой, но получил спесивый ответ французского дофина, типа «кто к нам с мечом придет» и далее по тексту. Пришлось драться. И вот тут случилось чудо – в сражении при деревеньке Азенкур отборные французские королевские войска потерпели сокрушительнейшее поражение, потеряв многие тысячи бойцов, англичане же – несколько сот. Вот что значит превосходство английского лука над устаревшим арбалетом. Пришлось французам заключать мир. В Труа был подписан соответствующий договор, а иноземца Генриха V французский король Карл VI объявил своим наследником, отдав в жены любимую дочь Катрин. Но править Францией вкупе с родной Англией Гарри было не суждено, он умер от дизентерии еще при жизни тестя. И Столетняя война продолжилась. Национальное унижение французов от поражения при Азенкуре излечили только победы Орлеанской девицы спустя полтора десятилетия.

НЕВЫДУМАННОЕ «ЕГО ВОРОБЕЙШЕСТВО»

Любители истории легко угадывают прототипов героев эпопеи Джорджа Мартина «Песни льда и пламени» и фильма «Игры престолов». Известно, что он вдохновлялся Войной Алой и Белой розы. Его Старки – это Йорки, Ланкастеры – Ланкастеры, карлик Тирион – горбун Ричард III и т.д. и т.д. А кто же его малопривлекательный второстепенный персонаж Его воробейшество – религиозный фанатик-изувер, возглавивший оппозиционное движение горожан Королевской гавани против аристократов? Он стал настоящим тираном и всесильным владыкой, подавлявшим любое свободомыслие. Так это же Джироламо Савонарола! Был такой итальянский религиозный деятель и проповедник Эпохи Возрождения, захвативший власть в прекрасной Флоренции. Он был врагом светской жизни, гедонизма и гуманизма и посвятил себя борьбе с падением нравов, роскошью и маловерием. Он родился 21 сентября 1452 года в старинной семье из Падуи. Его дед был известным врачом, врачом был и отец. Врачом должен был стать и Джироламо, но глубокая религиозность привела его в монастырь. Там он прославился ученостью и задатками выдающегося оратора и проповедника. Начальство его не любило и постоянно переводило из одной обители в другую – парень был принципиальным и негибким. Но его заметил и, как выдающегося ученого и наставника молодых послушников, призвал во Флоренцию всесильный Лоренцо Медичи. И тут «замкнуло» – Джироламо начал яростно проповедовать, искренне обличая людские пороки, властно призывая к покаянию, угрожая всяки-

ми небесными карами. Народа его послушать набирались полные храмы и широкие площади. Савонарола с самого начала повел себя независимо и отказался явиться к Лоренцо с почтением, сообщив, что почтение надобно выражать только Богу. Лоренцо стерпел, а куда денешься – кумир народных масс. И тут началось! Дамы перестали нарядно одеваться, пользоваться парфюмерией, носить драгоценности и украшения, закрылись театры, затихло веселие в кабаках, строго соблюдались посты и диеты. Процветало стучачество – его дружинники с дубинками патрулировали город, горели костры, где сжигались книги, прекрасная мебель, бесценные картины. Савонарола клеймил богачей за тягу к роскоши, когда бедняки умирают с голоду, ведь «Всякий излишек – смертный грех». Были изгнаны менялы и ростовщики, за святотатство прокалывали языки, доставалось и «лицам с нетрадиционной ориентацией» (хотя казнили только одного, а двое отделались штрафами). Эдакий большевизм эпохи Рисорджименто. Но этот мракобес был не просто ослепленным фанатиком, а реформатором. Он изгнал правителей из Флоренции и начал возрождать республиканские традиции, заменил поземельный налог подоходным, заставил монахов раздать монастырские сокровища бедным и ежедневно трудиться. Человеком он был храбрым – когда пришли французские захватчики, Джироламо вооружил горожан и закатил агрессорам такую речь, что они не рискнули с ним связываться. Короче, монах и фанатик стал настоящим властителем города. Такое в истории случается, но не длится долго. Пришел в Риме новый Папа и Савонарола был казнен. Его образ в истории считается противоречивым. Как говорил один мудрец: в реку истории иногда забрасывают таких щук, чтобы не дремали сытые караси.

ВЕК СОЗДАТЕЛЯ ТАГАНКИ

В конце сентября исполняется ровно сто лет со дня рождения выдающегося театрального режиссера, основателя легендарного театра драмы и комедии на Таганке Юрия Петровича Любимова. Это был человек-эпоха. На самом излете хрущевской оттепели, ему

вместе с его театральной мастерской поручили возглавить самый затрапезный и скучный из московских театров. Сам он говорил: только расположение удачное, прямо на выходе из кольцевой станции метро. И его бывшие щукинские студенты влюбили в себя Москву, перенеся вместе со своим Мастером на профессиональную сцену их студенческий спектакль «Добрый человек из Сезуана» Б. Брехта. Гениальный организатор Юрий Любимов создал самый настоящий политический театр, где каждый спектакль был ярким, критическим и острым. Его художественный вкус включал в себя много умных людей «со стороны» – писателей, композиторов, ученых, критиков. Они советовали, «подкидывали» идеи и, пользуясь своим авторитетом, привлекали внимание к молодому начинанию многих неординарных зрителей. Таганка стала национальной гордостью, ее спектакли волновали, их стремились увидеть люди в разных городах, билеты было достать невозможно, ее актеры становились настоящими звездами. Начальство ею хвасталось, но... запрещало практически каждый новый спектакль. У него играли Смехов, Демидова, Золотухин, Высоцкий, Славина, Шаповалов, Беляев, Васильев и т.д. Что ни имя, то легенда. Таганка Любимова была вызовом Советской власти. Но воля ее Создателя брала верх – он добивался разрешения премьер, он не дал погубить свое детище. Оно и сейчас существует без него, и даже благоденствует, но уже не излучает прежнюю магию. Мы, вспоминая Мастера, как заклинание, повторяем названия его блестящих спектаклей и жалеем, что не все довелось посмотреть. «10 дней», «Галилей», «Антимиры», «Пугачев», «Мать», «Гамлет», «Мастер и Маргарита», «Тартюф», «А зори здесь тихие» и многие, многие другие.

Мемориальный комплекс «Летопись Грузии» на Кеенис мта

История глазами Зураба Церетели

■ РОИН МЕТРЕВЕЛИ

В одном из наиболее обозримых мест Тбилиси, которое традиционно именуется Кеенис Мта, возвышается мемориальный комплекс, отображающий историческое прошлое Грузии. Это памятник-музей «Летопись Грузии». Выбор этой красивой горы, создание на ней столь масштабного образца истории и искусства, помимо того, что представляет собой результат глубокого размышления, является проявлением высокого эстетического таланта; автор этого уникального, беспрецедентного по масштабу и содержанию памятника – выдающийся грузинский художник и скульптор Зураб Церетели. Подчеркиваю с гордостью, что он грузин. И достоверный факт, что господин Зураб является всемирно известным, достойным и ценным мастером, который служит мировому искусству.

Нашей целью не является описание и оценка всего творчества Зураба Церетели (честно говоря, это представляется невозможным); мы коснемся лишь одной, однако важнейшей стороны его творчества – отношения

к прошлому страны, вообще к истории – историзма в его деятельности.

История по своей сути изучает прошлое человеческого общества во всей его конкретности и многоликости, познание чего необходимо для понимания настоящего и определения перспективы будущего человечества. История рассматривает развитие человеческого общества как единый закономерный процесс со всем его многообразием и противоречивостью. В свою очередь, прошлое находится рядом с людьми: памятники материальной культуры, образцы искусства, легенды и предания, народные обычаи, традиции, язык несут глубокую печать прошлого. Человек с самого рождения связан с исторической судьбой родной страны, взаимодействует с обществом, которое, со своей стороны, подвергается влиянию истории. Он поневоле сам становится творцом истории. В круг его зрения попадает вопрос исторического развития страны, создается собственное отношение к наследию прошлого, прогрессивные

традиции отграничиваются от реакционных. История сама по себе имеет прошлое, настоящее и будущее. Она, как и процесс общественного развития, более или менее соотносится с судьбой всех людей, и поэтому стремление к ее познанию безгранично.

Исторические проблемы всегда привлекали внимание как публицистики и художественной литературы, так и искусства. Достигший вершин мастерства и профессионализма деятель искусства ясно понимает большое значение истории в развитии общественной жизни. Невозможно представить себе творчество великих художников (скульпторов, монументалистов) вне истории. История, с одной стороны, была тем живым духом, который оказывал благотворное влияние на творчество и формировал мировоззрение; с другой стороны, сами великие художники предстают перед нами как истинные историки, которые озвучили отдельные страницы человеческой истории на языке искусства. Разумеется, не остались равнодушными к проблемам истории

Зураб Церетели в мастерской

и грузинские классики. Стремление к изучению прошлого Грузии, причем представление исторической действительности в художественных красках всегда было одной из главных тем творчества грузинских классиков.

Выдающийся грузинский художник Зураб Церетели относится к числу тех творцов, которые заплестили значительную дань истории. Большими ценителями грузинского мастера были: Джордж Баланчин и Дмитрий Шостакович, Святослав Рихтер и Василий Шукшин, Адриано Челентано и Софи Лорен, Лайза Минелли и Мстислав Ростропович. Отдельно следует отметить отношения художника с матерью Терезой, Пеле, президентами США – отцом и сыном Буш, Клинтонем. Феномену Зураба Церетели высокую оценку дал и Дональд Трамп еще до того, как стал президентом. Список подобных взаимоотношений очень длинный и впечатляющий. Мы остановимся здесь. Отметим лишь одно – когда речь шла о том, чтобы поставить один из памятников Зураба Церетели в США, Дональд Трамп потребовал, чтобы его поставили в его вотчине (в Калифорнии).

Зураб Церетели – художник, признанный в мировом масштабе. И здесь нужно подчеркнуть, что он большой общественный деятель, чрезвычайно активный

участник происходящих в мире процессов, Посол доброй воли ЮНЕСКО, можно сказать – «гражданин мира». Вот краткий перечень его регалий: народный художник, член-корреспондент Академии изящных искусств (Академии Бессмертных) Франции (Париж) и академик-корреспондент Королевской академии изящных искусств Сан-Фернандо (Испания), Президент Российской академии художеств, лауреат многих международных премий, член Московской и Тбилисской Академий наук, профессор искусств Брокпортского колледжа искусства и науки Государственного университета Нью-Йорка.

Знаменательно, что у Зураба Церетели имеются и критики разного типа. Высказывать собственное мнение (хотя бы и критическое) никому не запрещается, однако когда та или иная «оценка» полна зависти, злобы и желчи, это неприемлемо. Зураб Церетели стоит выше любой критики и с новой энергией продолжает свое любимое дело – рисует, ваяет.

«Почему должны нравиться мои работы всем? Это невозможно. Почему я должен нравиться всем? Главное, что я делаю то, что люблю и что мне нравится. Я свободный человек и делаю, что хочу, как любой христианин. Я уважаю чужое мне-

ние. Часто слушаю нечто худшее, чем критика... Вспоминаю слова бабушки и улыбаюсь: «Оскорбление принимай как лечебную грязь и Господь отпустит тебе грехи», т.е. наших оскорбителей мы должны считать благодетелями нашей души. Слава Богу, что они существуют и помнят о нас». Таково отношение великого творца к своим «благодетелям».

В начале 80-х годов прошлого века Зураб Церетели пригласил в свою мастерскую поэта Ираклия Абашидзе и автора этих строк. Мастер сообщил нам, что с 60-70-х годов задумался целью посвятить истории Грузии памятник. Зураб Церетели замечательно описал нам задачу – показать коренную христианскую Грузию с ее истоками. Представить страну с ее бытом, жизнью, битвами, стремлением к миру. Он считал, что основой мемориального комплекса должны стать библейские сюжеты. Логика художника была твердой и непоколебимой. Библия по своему содержанию и значению исторически была великой книгой для грузинского народа. Примечательно, что в историографии признано мнение о том, что Библия имеет особенно большое значение для нашей страны. По рассудочному представлению грузин, Грузия на всем протяжении своей истории стояла на трех мощных столпах. Это были Библия (Ветхий Завет), «Вепхисткаосани» и «Картлис цховреба». Разумеется, прежде, чем приступить к созданию этого большого мемориального комплекса («Летопись Грузии»), Зураб Церетели подготовил для него солидную основу. Это было, в первую очередь, глубинное изучение истории страны, прочувствование ее судьбы, глубокое погружение в проблемы ее прошлого. Все это было непросто. Зураб Церетели прошел долгий и весьма интересный путь, прежде чем решил осуществить такой большой проект.

Искусство Зураба Церетели берет основу в недрах родной земли. Из этих недр произрастает глубокий оптимизм художника, его полный жизни мир, творческая многоликость, человеческая доброта и жизнерадность.

Зурабу Церетели, рожденному под счастливой звездой, явно

Церковь Благовещения

повезло в жизни. После окончания Академии художеств (1958 г.) он начал работать в отделе этнографии Института истории, археологии и этнографии Академии наук Грузии. Во главе этого отдела в то время стоял выдающийся грузинский ученый, создатель этнографической школы в Грузии, академик Георгий Читая, вокруг которого собрались его ученики, уже известные этнографы: Вера Бардавелидзе, Илья Чкониа, Джульетта Рухадзе, Тамил Цагареишвили и другие. Вот в эту группу попал Зураб Церетели и с первых же дней включился в экспедиционную работу; отправлялся в разные уголки Грузии, обошел горы и равнины. Примечательно, что Зураб пришел в институт профессиональным художником. Его дипломная работа («Портрет спортсмена») заслужила высокую оценку признанного в мире искусствоведа и историка искусства, академика Георгия Чубинашвили (Георгий Чубинашвили был председателем государственной комиссии). Зураб Церетели занимал скромную должность художника-архитектора. Именно эта должность дала будущему мастеру возможность развить широкую деятельность – изучить народное искусство, материальную культуру. В его обязанности входило участие в этнографических и археологических экспедициях и детальная фиксация добытых там материалов. При этом он должен был подготовить к изданию эти мате-

риалы уже в виде иллюстраций. Путешествуя по разным уголкам Грузии – Хевсурети, Тушети, Пшави Зураб Церетели делал зарисовки, на которых отображал быт людей, предметы обихода, орудия, различные картины жизни. Примечательно, что в качестве иллюстраций к пятитомнику академика Георгия Читая были использованы именно зарисовки Зураба Церетели, относящиеся к тому времени. Отображенный им ценный этнографический материал имеет не только художественное значение, он важен и в том отношении, что близок к оригинальному, реальному. На первый взгляд, такого рода занятия действующему художнику, возможно, могли наскучить. К чести Зураба Церетели следует сказать, что проведенное в экспедициях время он употребил рационально. И даже с гордостью отмечает, что эти годы способствовали его творческому росту, приучили его к систематическому труду, сделали дисциплинированным. А главное, они позволили художнику глубоко изучить и по-новому осмыслить культуру народа. Зураб Церетели искренне отмечает, что участие в этнографических экспедициях и возложенная на него задача – описывать материальные данные, снабдила его характерными для монументалиста важными навыками.

Перенимая (зарисовывая) детали древней грузинской архитектуры или даже предметов обихода, он всегда стремился

выполнять точные копии, вникал в их глубинную суть, красоту, непосредственность и утонченные формы, познавал мир мастеров-творцов. Разумеется, все это способствовало проявлению самосознания Зураба Церетели. Он понял, что мир различных образов, которые веками жили в народе, не мог исчезнуть бесплодно, даже в эпоху рационализма и рассудительного прагматизма. Художник считал, что творец может подарить современному человеку радость соприкосновения с глубокими национальными традициями, дать ему почувствовать трепет души предков. Именно следуя традиционности, современное искусство может придать мощный импульс эстетическому и нравственному переживанию.

Нельзя не отметить, что усердный труд Зураба Церетели с самого начала привлек внимание академика Георгия Читая, которому нравились его успешные этюды. Ученый видел выдающиеся способности художника и всячески содействовал его независимой работе. По-видимому, Георгий Читая опасался, что Зураб Церетели может заштамповаться при фиксации этнографических данных.

Хотя первые годы творческой деятельности Зураба Церетели были посвящены конкретной, иногда рутинной работе, этот труд одновременно закалял его творчески, оттачивал его профессиональные навыки, расширял диапазон. Многообразие и притягательность природы Грузии (особенно ее гор), величие исторических памятников – церквей и крепостей, различные легенды, глубокое постижение истории героического и одновременно полного боли прошлого, доскональное знакомство с бытом крестьян, лицемерие их простоты, царящая вокруг красота и живописность мира (это видение художника) окончательно «обвенчали» Зураба Церетели с историей. Именно поэтому во многих его произведениях на высокохудожественном уровне воздается дань прошлому Грузии, вообще ее истории. Здесь хочется особо отметить оценку творчества Зураба Церетели

Католикосом-Патриархом всея Грузии, архиепископом Мцхетским и Тбилисским и митрополитом Бичвинским и Цхум-Абхазетским Илией II: «Корни творчества господина Зураба Церетели берут начало в грузинской культуре. Он одним из первых возродил технику известной в мире древней грузинской эмали и в то же время воплотил в реальность ее использование в монументальном искусстве. Можно сказать, что он также первым осуществил синтез изобразительного искусства и архитектуры и положил начало взаимному сочетанию скульптуры и цвета. Приятно, что господин Зураб сказал свое слово и в сфере церковного искусства. Он является художественным руководителем работ по восстановлению и оформлению вновь возведенного в Москве Храма Христа Спасителя. Его творчество знают повсеместно. Персональные выставки господина Зураба неоднократно устраивались за границей. Его скульптуры стоят в 16 странах мира (данные 2009 года, сейчас это число возросло – Р.М.). Господин Зураб Церетели отличается и благотворительной деятельностью. С его помощью только за последние два года издано до двадцати альбомов и научных трудов, устраивались выставки грузинских художников, концерты музыкантов-исполнителей. В Москве открыто два музея современного искусства. Музей открыт и в Грузии.

Многогранное творчество и деятельность Зураба Церетели служат высоким идеалам гуманизма и добра, способствуют сближению народов и упрочению мира». Напомню читателю, что Илия II является не только высочайшим церковным иерархом страны, но и замечательным мастером (живописцем, композитором) и его оценка весьма важна. При этом столь пространное цитирование Святейшего и Блаженнейшего обусловлено тем, что освобождает автора этих строк от заострения внимания на определенных этапах творчества Зураба Церетели.

Зураб Церетели является фактическим создателем Фон-

да защиты этнографического наследия Грузии. Он меценат, поддерживает развитие этнографической деятельности и дело защиты этнографического наследия в Грузии. Благодаря Зурабу Церетели Фонд издал пятитомник «Трудов» Георгия Читая, получивший в 2004 году Государственную премию. Основана научно-популярная серия «Традиционная культура грузинского народа», в которой издано 20 трудов известных ученых. Зураб Церетели награжден Государственной премией имени академика Г. Читая. Фондом издано несколько значительных монографий, разные книги и каталоги.

При финансовом содействии Зураба Церетели Фондом отреставрирован дом-ода из села Марани, который перенесен в этнографический музей под открытым небом. Основан «Дом этнографа», который полностью соответствует тематическому содержанию этнографического музея и органично вписывается в музейное пространство.

В «Доме этнографа» помещаются важные архивные материалы, мемориальные библиотеки ученых; тем самым заложена основа картвелологической библиотеки.

Еще одно. Зураб Церетели является на сегодняшний день одним из самых известных и признанных в мире мастеров. Такие широкомасштабные оценки, которых удостоилось творчество господина Зураба,

наверное, редки. Не осталось известных искусствоведов или художников, общественных или политических деятелей, которые бы не дали высокую оценку многостороннему, воистину высокому уровню, мирового масштаба творчеству грузинского художника. По-видимому, нет таких возвышенных эпитетов, которыми бы не награждали господина Зураба. Прошу извинения у всех ценителей, если не удалось привести их соображения. Наверное, это было бы неплохо, однако, думается, что не соответствует нашей цели – показать в основном историзм творчества Зураба Церетели.

Когда мы говорим об историзме в многогранном творчестве Зураба Церетели, это относится в основном к памятникам, созданным в Грузии («Святая равноапостольная Нино», «Святой Георгий Победоносец», стела на шоссе аэропорта, «Летопись Грузии» и др.). Вообще же, уважение к истории мастер продемонстрировал во многих своих творениях. Прежде чем коснемся непосредственно рассматриваемой темы, хочется отметить, что Зураб Церетели является универсальной личностью. Он художник и скульптор, живописец и график. Он успешный монументалист, государственный и общественный деятель, жертвовател и меценат. Главное, что Зураб Церетели грузин; грузин в быту, в человеческих взаимоотношениях. Он наиболее популярнейшая в мире личность

Интерьер церкви Благовещения

Фрагмент мемориала

(трудно найти аналог), связан со многими странами мира – в основном благодаря созданным им памятникам. Но главное для него – Грузия. Во всех странах, где он путешествует (а таких много), он трепетно и с любовью носит с собой Грузию. Мастер не только заботится о родине, но и прославляет ее.

Следует подчеркнуть, что творчество Зураба Церетели истинно грузинское; грузинское по своей сути, звучанию. В его живописных произведениях, мозаиках и витражах, скульптурных рельефах отражена восхитительная природа Грузии, быт народа, ритуалы – перед зрителем предстает богатая история Грузии.

Зураб Церетели многое приобрел, общаясь с зарубежными коллегами, знакомясь с их оценками: «Зураб глубоко чувствует цвет, обобщает форму. Мне кажется, он будет великим живописцем», – это предсказание великого Пабло Пикассо сбылось.

Большая любовь к истории, забота об увековечении имен великих личностей и достопримечательностей красной нитью проходит по творчеству Зураба Церетели. В 1998 году в центре Москвы был воздвигнут памятник императору России Петру I. Памятник вызвал неоднозначные оценки. И это не трагедия. В мире очень много памятников,

при возведении которых автор попадал под огонь критики, хотя на сегодня они всемирно признаны шедеврами. Ведущие искусствоведы России признали, что в памятнике «нашли свое воплощение бушующая фантазия и беспредельный декоративизм Зураба Церетели». Излишне характеризовать здесь Петра I. Его место как великого деятеля, военачальника, реформатора определено во всемирной истории, и именно поэтому весьма актуально, необходимо было поставить этот памятник в Москве. Петр I изменил Россию, придал ей дополнительную силу, и сегодня он занимает особое место в галерее политических деятелей мира.

Зурабу Церетели было хорошо известно значение этого деятеля – в первую очередь для России. Сам Зураб является сыном Грузии Давида Строителя и для него естественно особое уважение к великим предкам. Мы не случайно упомянули Давида Строителя. Хотим обратить внимание на одно обстоятельство – мистическое совпадение между датами биографий Давида Строителя и Петра I. Речь идет о шестисотлетнем промежутке. Так, Давид Строитель родился в 1072 году. Ровно через 600 лет, в 1672 году родился Петр I. Давид номинально является царем с 1082 года. Точно через 600 лет,

в 1682 году Петр I номинально считался царем России. Давид Строитель вззошел на царский престол Грузии в 1089 году. Через 600 лет, в 1689 году воцарился Петр I. Давид Строитель скончался в январе 1125 года. В январе 1725 года скончался Петр I. Помимо этого, мероприятия (военные, церковные, финансовые, правовые и др.) цари проводили также единообразно. И предсмертные слова царей были однотипны: приказ о выдаче имущества.

Этот экскурс в прошлое, разумеется, не находится в органической связи с настоящим очерком, однако, нам кажется, что когда Зураб Церетели создавал упомянутый величественный монумент, путь ему освещал образ святого Давида Строителя.

Географический ареал творчества Зураба Церетели внушительен. Помимо осуществленных в Грузии (Тбилиси, Абаща, Хоби) работ, произведения Зураба Церетели можно встретить в Лондоне и Париже, Нью-Йорке и Риме, Токио и Лиссабоне, Севилье и Марселе. Нельзя не согласиться с Давидом Альфаро Сикеайросом: «Зураб Церетели вошел в необъятные просторы искусства будущего, искусства, сочетающего скульптуру с живописью... Творчество Зураба Церетели вышло из национальных рамок и приобретает международное значение». Как известно, творчество Зураба Церетели давно приобрело международное значение. Здесь же хочется отметить, что не одно успешное произведение искусства, созданное художником, носит именно исторический характер и явно подчеркивает особую тягу Зураба Церетели к прошлому.

Наверное, нужно специально отметить мемориальный комплекс на Поклонной горе (Москва). Данный скульптурно-архитектурный ансамбль представляет собой единство большого количества пластических образов и является грандиозным творением; в этом комплексе отражена общечеловеческая историческая боль. Примечательно, что его называли «шедевром поставангарда».

Скульптурные произведения Зураба Церетели, имеющие исторический характер, мож-

но увидеть во многих странах мира. Они украшают здание Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке, штаб-квартиру ЮНЕСКО – в Париже. В итальянском городе Бари возвышается скульптура Святителя Николая Чудотворца, в Париже и Севилье – варианты композиции «Рождение Нового человека», посвященной Колумбу, в США – «Слеза скорби», «Прометей» и др. Отдельно следует отметить восстановление и оформление Храма Христа Спасителя в Москве. Наряду с монументальными памятниками, в Бразилии, Португалии, Израиле, Греции, Сирии, Монако, Китае и других странах можно встретить созданные Зурабом Церетели горельефы, мозаичные и витражные работы, эмалевые панно, gobelены, украшенные мозаикой стены.

Зураб Церетели создал необыкновенный проект, т.н. «Мир чудес», осуществление которого предполагалось в одном из районов Москвы. Это был город чудес со своей многогранностью, культурно-развлекательной программой широкого характера. Проект в определенной степени походил на Диснейленд, но был гораздо более обширным, многомерным и социально значимым. Проектные работы были завершены, но до сих пор реализовать проект по ряду причин не удалось.

Следует подчеркнуть, что высокое искусство для Зураба Церетели всегда находится в связи с культурно-историческим наследием. Его всегда заботит реставрация и консервация историко-культурных объектов, их размещение в соответствующем пространстве. Поэтому он постоянно стремится к основанию музеев. Примеры этого Зураб Церетели ясно продемонстрировал в Москве и Тбилиси. Широки его планы в этом направлении; думаем, что они получат реальное воплощение.

Все это является плодом титанического труда Зураба Церетели. И такой труд для него – повседневный. Именно поэтому мастерская Зураба Церетели стала одной из достопримечательностей столицы России. Здесь ярко проступает личность Зураба и уникальность его твор-

чества. Он неустанно (да, неустанно!) работает, рисует даже тогда, когда разговаривает с кем-то, и так создаются его великолепные полотна, прекрасные, радужные цветы, все то, что он видит и воспринимает. Творческая деятельность Зураба Церетели является зеркалом его богатого внутреннего мира.

Вернемся к вопросам, связанным с созданием комплекса «Летопись Грузии». Для меня было большой честью, когда господин Зураб пригласил нас с выдающимся грузинским поэтом Ираклием Абашидзе к себе и поделился замыслом создания памятника о прошлом Грузии. Моей задачей была разработка исторической концепции мемориального комплекса (разумеется, вместе с господином Зурабом); Ираклий Абашидзе должен был подготовить текстовый материал. Это происходило в 80-е годы прошлого века. Я проработал месяц и предложил господину Зурабу проект материала (историческую концепцию, фактически – содержание мемориала). Мы договорились почти по всем вопросам, Ираклий Абашидзе представил замечательный литературный материал – поэтические строфы о каждом персонаже и событии. Вроде все было готово для начала работы, но господин Зураб не торопился. Он знакомил со своим замыслом представителей разных слоев общества. Помню, что он специально встретился с участниками национального движения (известна активность этого движения в 80-е годы прошлого века), и когда увидел, что они тоже одобряют проект, еще активнее приступил к работе.

На сегодня историко-мемориальный комплекс на Кеенис мта, памятник-музей «Летопись Грузии» практически завершен и можно говорить о нем как об особенном художественном произведении.

«Летопись Грузии» является уникальным памятником мирового масштаба, аналога ему не сыскать во всем мире. Здесь Зураб Церетели искусно совместил в художественном пространстве западные и восточные, классические и модернистские культурные символы, формой успешно выразил богатство

содержания; декоративность и орнаментальность памятника значительны и вместе с идейно-образным началом органичны в скульптурной композиции. Выдающийся грузинский художник Джибсон Хундадзе дает особенно высокую оценку труду Зураба Церетели: «Достижением монументальной скульптуры считаю его «Летопись Грузии», которая выстоит долгие годы. Это – классическое решение монументального мышления, здесь совсем другие масштабы; «Летопись Грузии» не имеет аналогов в постсоветском пространстве, а также в Европе.

Это – спаянный воедино архитектурный памятник, я считаю его наилучшим достижением грузинской архитектуры и монументализма как у нас, так и в Европе. Это гимн вечности Грузии, который с точки зрения конструктивно-структурного мышления и художественной формы наделен большим оркестровым звучанием».

Зураб Церетели на доступном всем языке с высоким мастерством показал, что Грузия – страна древнейшей культуры, и ее национальное мерило – тоже древность исторических корней. Скульптор связывает древность страны с настоящим. Отображение прошлого заставляет думать также о настоящем и будущем. Сплав прошлого и современности реально осуществлен на Кеенис мта.

Грузия своим прошлым непосредственно связана с Евангелием. Скульптор учел это и отвел в комплексе значительное место тематике Библии вообще и, в частности, «Нового Завета». Горельефные изображения, которые фактически лежат в основе памятника, изображают сюжеты, переносящие нас в библейский мир. Зритель не может не обратить особое внимание и не восхититься изящно выполненными горельефами «Тайная вечеря», «Распятие» и «Снятие с креста». Древнейшее прошлое страны в «Летописи Грузии» высвечено в монументальном искусстве. У Тбилисского моря, на Кеенис мта воздвигнуто грандиозное строение акрополисного типа. Это художественный архитектурный комплекс, состоящий из шестнадцати монументаль-

ных колонн. Мемориал является первым в мировом масштабе строением такого типа. Он занимает площадь в 12 гектаров в окрестностях Тбилисского моря. В памятнике-музее с поразительной последовательностью и завидной скрупулезностью отображен единый процесс политического, культурного и социально-экономического развития Грузии испокон веков и до наших дней.

Экспозиционная зона памятника-музея составляет 10 000 кв.м. Материал экспозиции представлен на четырехгранных монументальных колоннах. Нижняя часть монумента, как уже отмечалось, в изобилии иллюстрирует сюжеты Евангелия. В верхней части изображаются важнейшие этапы истории и исторические деятели Грузии. «Летопись Грузии» зрителю представляет святых, царей, легендарных лиц, отдельные исторические факты. Здесь можно увидеть сюжеты мифа об аргонавтах, эпоса «Амирани», греческое поселение в Грузии, поход Помпея; на одном из горельефов изображен грузинский алфавит во всем его многообразии, представлена риторическая школа Фазиси. Впечатляюще выглядят наши исторические памятники зодчества: Мцхетский Джвари, Ошки, Бана, Кумурдо, Баграти, Светицховели, Гелати. Художественно представлены события: арабское иго, Дидгорская битва, нашествие турок-сельджуков, Георгиевский трактат. Глаз и душу пленяет грузинское знамя. Автор архитектурно-художественного комплекса не изменяет принципу историзма и представляет материал в хронологической последовательности. У главного входа комплекса, поднимаясь по украшенной колоннами парадной лестнице, посетитель видит горельефы, изображающие великого Давида Строителя и бессмертного Шота Руставели. Между ними – образ Летописца, подчеркивающий, что человек прибыл в исторический мир Грузии. И Летописец поведет его за собой, чтобы предельно ясно раскрыть перед ним историю страны. С гордостью смотрим мы на Давида Строителя и царицу Тамар, священника Тевдоре, Давида и

Зураб Церетели у композиции «Ипатьевская ночь»

Константина Мхеидзе; особо представлены горельефы святой Нино, Шота Руставели, Григола Хандзтели, Константина Арсакидзе.

Важное место отведено и деятелям нового периода: Иване Джавахишвили, Эвтиме Такаишвили, епископу Кириону (Садзаглишвили), Галактиону Табидзе и Константину Гамсахурдиа. В комплексе выделяются образы Петре Ибери, Николоза Бараташвили, Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели. Памятник-музей подчеркнуто представляет историческую боль Грузии – горельефные образы некоторых царей и цариц, похороненных вдали от родины. Это – Луарсаб II (+1622 г.), который по приказу шаха Абасса был задушен в ширазской тюрьме (церковь причислила его к лику святых); царица Кетеван (+1624 г.), которая за отказ принять магометанство была замучена и убита в Персии (причислена к лику святых); Ростом (+1658 г., похоронен в Иране, г. Кум); Вахтанг V, Шахнаваз (+1675 г.), основатель ветви Мухран-батони династии Багратионов, похоронен в Иране, г. Кум; Георгий XI (+1709 г.), погиб в Афганистане; Каихосро, царь Картли (+1711 г.), похоронен в Персии; Арчил II (+1713 г.), похоронен в России, в Москве; Вахтанг VI (+1736 г.), похоронен в России, в Астрахани; Бакар (+1750 г.), похоронен в России, в Москве; Теймураз II (+1762 г.), похоронен в России, в Астрахани.

На большой плите мемориального комплекса, где высечены имена этих лиц, помещено «Посвящение» самого Зураба Церетели. Вот оно:

Этой глыбой воздаем почести могилам святых,
Оставленных безутешно под чужим небом,
В безвременье оторванных от родины
И брошенных без упокоения.
Будем вечно помнить, что ради нас боролись сыны Грузии,
Никогда не зная мира.
В веках сохранились их добрые имена,
Их дела спасли Родине честь.
На нас, потомках, грузом лежит
Их человеческая, дедовская мольба,
невыполненный перед ними долг.
В сырой могиле замерзшие кости предков
Ждут приюта под сенью теплой родной земли.
А сейчас с гордостью взгляните на обитель героев,
Блаженный приют пожертвовавших собой за Грузию.
Почтите память пропавших как призрак царей,
Святую свечу и молчание посвятите молитве за них.

Разумеется, трудно перечислить все персонажи «Летописи Грузии», но мы и не ставили перед собой такую цель. Подчеркнем лишь

одно – мемориальный комплекс производит впечатление совершенного. В рабочем процессе Зураб Церетели стремился не пропустить ни одной детали из прошлого страны, внимательно, усердно трудился над каждым конкретным эпизодом, создавая этот замечательный монумент. Да, здесь передается история Грузии и это приумножает значение художественности памятника.

«Летопись Грузии» имеет огромное историческое значение. После окончательного завершения памятника-музея общество сможет отмечать там исторические даты. «Летопись Грузии с поразительной естественностью сливается с Кеенис мта. Памятник виден из всех частей города. Прямо скажем, что это уникальное сооружение мирового масштаба, которое поражает зрителя. Гости Грузии, осмотрев этот музей-памятник, получают возможность ознакомиться с историей страны, начиная с древнейших времен и практически до наших дней, смогут приятно отдохнуть. Помимо познавательного характера и развлекательной функции, при «Летописи Грузии» будет задействована церковь Благовещения. Она важна и в том отношении, что многие фрески выполнены в эмали, что является для Грузии первым прецедентом.

Особо нужно отметить, что горельефы памятника, на которых изображены исторические лица Грузии, достойные патриоты, украшены краткими стихотворениями Ираклия Абашидзе, в которых характеризуются объекты посвящения (персоналии и события). В качестве примера приведем несколько строк:

Подвиг Тевдоре

Увести врага по ложной дороге и спасти народ;
Спаси народные пашни, нивы, поля, луга –
Слава такому примеру
Великомученика монаха Тевдоре.

Разумеется, в этом небольшом стихотворении представлен образ борца с османскими завоевателями в 1609 году, грузинского героя Тевдоре Квелели, самопожертвование которого спасло жизнь многим людям и дало возможность царю Луарсабу II подготовиться к встрече врага.

Бека и Бешкен Опизари

Когда черного врага изгоняла
Сабля бессмертного грузинского воина,
Магриб и Машрик ошеломляла десница
грузинского златокузнеца,
Две золотые десницы, молящиеся о нашей земле,
Наш Бека Опизари, наш Бешкен Опизари.

Эти строки посвящаются двум достойным представителям грузинской средневековой Опизской школы златокузнечества – Беке и Бешкелу Опизари.

Давид Строитель

Сложил он основу из мудрости, саблю повесил оградой.
Грузию он умножил, став победителем Востока.
Потому называем царя Давида,
Славу нашего прошлого –
Объединителем родины,
Давидом Великим Строителем.

Илья, Акакий

Борцы, радетели,
Острым словом тернии собирающие,
Венцом нас украшающие,
Сами цари некоронованные.

Комментарии считаю лишними. Скажу лишь, что стихи талантливого поэта Ираклия Абашидзе, которыми сопровождаются почти все горельефы, украсили мемориальный комплекс и сделали его более

содержательным.

Этот памятник построен с благословения Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии II-го, с ним проводились и консультации. Для Тбилиси и для Грузии вообще, историко-мемориальный комплекс, памятник-музей «Летопись Грузии» стал большим подарком.

Особо отметим, что полностью (практически) отстроенный комплекс «Летопись Грузии» готов к функционированию. Для того, чтобы он заработал, а это безусловно является неотложным делом, остается решить незначительные вопросы. Данное обстоятельство обязательно должны принять к сведению власти страны, особенно мэрия города Тбилиси. Памятник, как известно, финансировался (около 400 млн. долларов) лично Зурабом Церетели; исходя из интересов проекта – его охраны и функционирования в будущем, территорию мемориала нужно передать автору памятника в

Зураб Церетели «Слеза скорби». США

Вход на территорию комплекса «Летопись Грузии»

личное пользование (этот вопрос был специально поставлен и самим Зурабом Церетели еще в 2007 году – см. его письмо президенту Грузии от 28 июня 2007 года, N18/174). Зураб Церетели считает, что памятник следует охранять от неосмотрительного вмешательства: предотвратить отчуждение, хищение, воровство (что не раз имело место); причем должен осуществиться следующий, предусмотренный проектом этап развития памятника-музея. Это подразумевает расширение и развитие зоны экспозиции, создание выставочного комплекса с надлежащей инфраструктурой в соответствии с международными стандартами.

Все это не терпит отлагательств и совпадает с интересами грузинского государства. Памятник имеет важнейшее значение как для населения Грузии, так и для ее гостей (туристов), именно это должно быть принято к сведению властями.

Гражданин мира Зураб Церетели заслуживает особую благодарность за огромные заслуги, постоянную заботу о стране, беспрецедентную благотворительность, за любовь вообще.

Как уже не раз отмечалось, творчество Зураба Церетели

признано во всем мире. Сам Зураб – мастер, завоевавший огромный авторитет. Поле его творческой деятельности сегодня охватывает практически весь мир. Зураб Церетели достиг универсальности многогранностью своего творчества, широтой творческих интересов, поразительной активностью, исключительной верностью общественным делам. Особо хочется отметить его доброе отношение к людям, сочувствие ко всем несчастным, большую благотворительность. Это еще одна сторона его универсальной личности. Мне приходилось видеть Зураба Церетели за границей, встречался с ним на различных мероприятиях. Мне не забыть, как в Париже, на заключительном заседании Дней грузинской культуры в Театре Елисейских Полей представили членов грузинской делегации (это обычное явление). Когда произнесли имя Зураба Церетели, присутствующие выразили восторг – весь зал, встав, устроил овацию всемирно любимому деятелю.

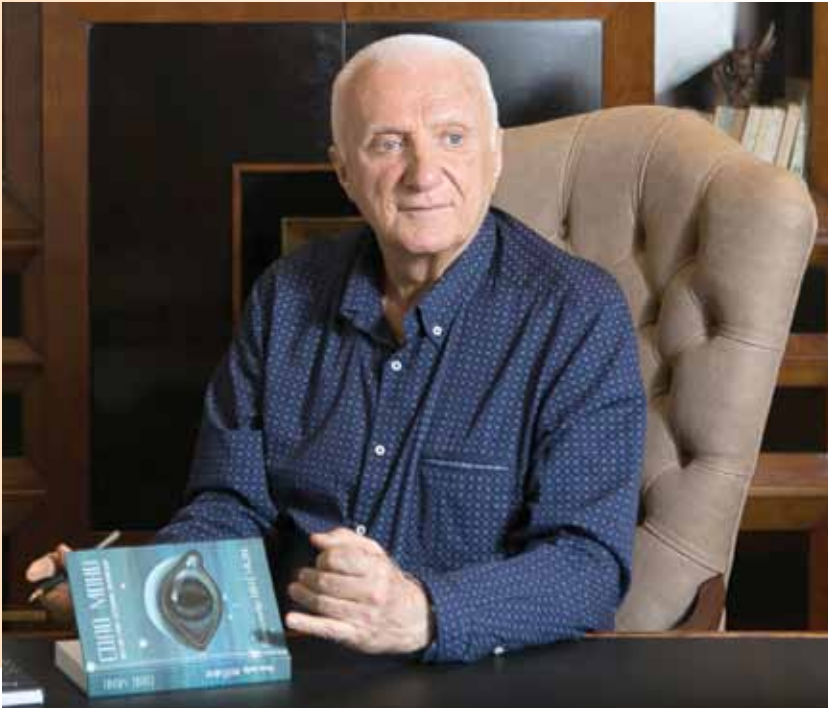
Зураб Церетели – человек, полный теплоты и любви. Отсюда проистекает его трепетное, полное нежности отношение к семье. Особо почитает он па-

мять скончавшейся супруги – госпожи Инессы Андроникашвили, боготворит дочь Лику и внуков. Семейный мир мастера полон счастья; с большой теплотой относятся к нему восхищающиеся его творческими успехами дочь и внуки.

Особо хочу отметить роль госпожи Лики не только в семье, но и в творчестве господина Зураба. Лика не только участница сложной, полной проблем жизни отца, но и его единомышленница. Можно сказать, что Лика партнер Зураба Церетели в его творческой и общественной деятельности.

Зураб Церетели своим неустанным трудом, великим творчеством достиг того, что представители мировой элиты и ответственности (президенты разных стран, цари и царицы, высшие церковные иерархи, писатели и художники, режиссеры и актеры и т.п.) глубоко уважают его и стремятся дружить с ним.

Зураб Церетели, как уже отмечалось, неутомимая личность. У него большие и содержательные планы. Это настолько сильный и дерзновенный творец, что мы верим – он сможет успешно осуществить намеченные цели.

Александр Потемкин

«СОЛО МОНО» нашего соотечественника

■ Мария ФИЛИНА

Прозаик, финансист, бизнесмен, доктор экономических наук Александр Потемкин – личность настолько разносторонняя, что порой кажется: сферы его интересов не могут профессионально пересекаться. Однако он успешен во всех своих начинаниях. Родился Александр Петрович в Сухуми и учился на отделении журналистики Тбилисского государственного университета, а потом в МГУ. Как журналист начинал в «Молодежи Грузии». Позже переехал в Германию. Сегодня Александр Потемкин живет с семьей в Испании, хотя география его «жизнедеятельности» не менее широка, чем области интересов. Он тесно связан с Грузией, Россией, Германией и Испанией. Уже несколько лет осенью он собирает литераторов, переводчиков, журналистов, критиков из нескольких стран на своего рода «потемкинские чтения» в Малаге. В непосредственной обстановке обсуждаются новые произведе-

ния писателя и многие вопросы современной литературы. Неизменно самая многочисленная делегация прибывает из Грузии. Это вполне естественно. Заслуженный журналист Грузии Габриэл Намталашвили – глава грузинской делегации когда-то был первым шефом писателя – он принимал юного Александра Потемкина на работу в «Молодежь Грузии». Александр Потемкин – член Союза писателей Грузии, и в 2016 году он был награжден орденом Святого Ильи, который вручила прозаику председатель Союза писателей Грузии Маквала Гонашвили.

Александр Потемкин – автор повестей и романов «Я», «Изгой», «Кабала», «Стол», «Игрок», «Мания», «Человек отменяется», «Русский пациент». Новый роман «Соло Моно» в российской печати и многих телепередачах объявлен «шедевром мировой литературы». Подобное «вершинное» звание, пожалуй, должно

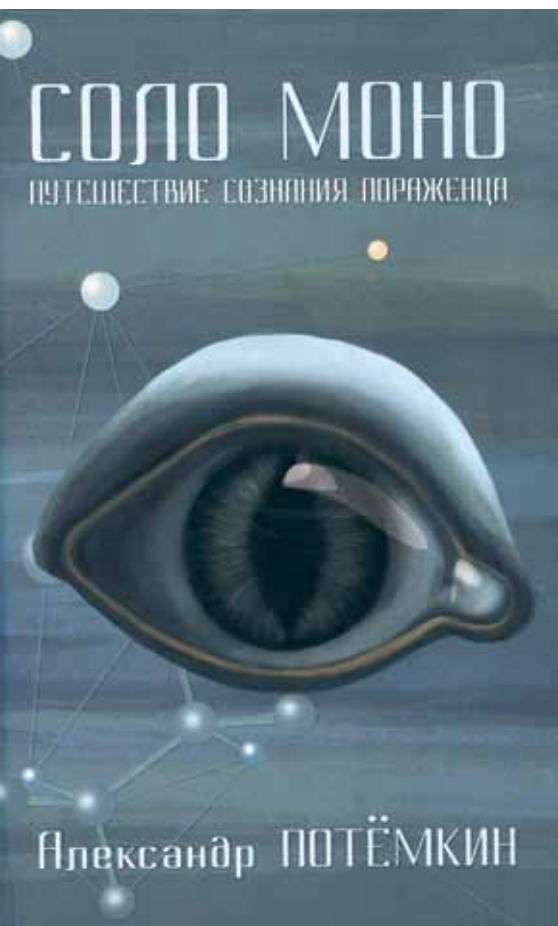
присудить время. Но очевидно, что это незаурядное произведение уже вызвало острые споры и определило полюса мнений – от восхищения до неприятия. Впрочем, как и все произведения писателя с необычной судьбой, порой окутанной тайной, и неповторимым мировосприятием.

Художественно-философская концепция Потемкина – попытка создания модели сегодняшнего мира, это констатация имеющегося и моделирование мира будущего. Модели зловещей, гипотетической, если процессы пойдут в направлении, предсказанном автором, – то есть в направлении повсеместного разрушения.

В книгу, появившуюся в Москве в издательстве «Порог», вошло послесловие автора этих строк под названием «Ното ли Solo?» («Таежное» блуждание души), которым хочется поделиться с читателями «Русского клуба».

Новый роман Александра Потемкина удивил своей сложностью даже самых его прилежных читателей. Это роман-вызов, и уже в авторской аннотации задан тон: «Уважаемые читатели! Если уровень вашего НИС («эйч-ай-си», высшее выражение сознания, higher intelligence consciousness) меньше, чем 100, то, пожалуйста, не приобретайте эту книгу – вряд ли вы получите удовольствие от ее чтения». При таком посыле не каждый решит признаться в своей несостоятельности, и читатель обеспечен – начинаешь погружаться в причудливую ткань текста. Если автор хотел добиться того, чтобы роман был прочитан даже помимо воли, – он этого достиг.

Уровень НИС и является основным составляющим романа, причем уровень интеллекта напрямую связывается с судьбой человечества, что даже в контексте нынешнего повышенного интереса к возможностям человеческого сознания и мышления представляется оригинальным. А уж выбор пер-

сонажа, который взял на себя миссию усовершенствования человечества, просто поразилен. Итак, молодой человек по фамилии Махоркин и со значащим именем Федор Михайлович родом из городка Сивая Маска, что за Полярным кругом, пешком отправляется из родных мест в Астрахань к возможному спонсору Пенталкину, способному финансировать воплощение в жизнь его, махоркинской идеи.

Внутренний монолог персонажа длиною почти во весь роман начинается сообщением: «Сегодня я уже точно не помню, что именно меня вдруг обеспокоило: нога, рука, голова, живот. Но боль оставалась в памяти. Именно после нее я, сам того не подозревая, впервые задумался: сейчас меня уже раздражает, почему эта мысль раньше не приходила мне в голову, а что это такое я сам?» То есть герой сразу определяет не просто свою необычность, но «неподчиненность» собствен-

ному организму – он не может определить, что же у него болит. Да собственно, на протяжении всего повествования Махоркин отказывается от любого проявления исконных человеческих чувств, интересов и ощущений. Сам он «угрюмый», лохматый, с почерневшими зубами, худой и неказистый. Махоркин подчеркивает свою неприглядность, почти декларирует ее, хотя порой кажется, что именно собственная непривлекательность так мучит его, что он спасается от мира верой в гениальность своей идеи. Она родилась в его сознании и мало связана с реальностью, мир реальный вообще живет параллельно с героем: «У меня отсутствует вкус на прекрасное или отвратительное. Мое сознание не оперирует такими характеристиками. Я вообще практически не замечаю внешний мир. Мне необходимо предельно сконцентрироваться, чтобы разглядеть его».

Все чувственные радости и недомогания им отрицаются как проявление низшего, сущего «сивомасковцам» существования, которое для него олицетворяет все пошлое, примитивное, недочеловеческое. Их стремление устроить свою жизнь, повысить благосостояние, любить, выпить-поесть, одеться и даже завести детей в Махоркине вызывает полное отторжение. Если «подпольный» персонаж Достоевского упивался своей зубной болью и вокруг нее возводил свои болезненные умственные построения, то Махоркин – уже какой-то завершающий этап отказа от обычных человеческих проявлений, особенно позитивных. Если Махоркин вдруг ощущает в себе (а это случается) какие-либо чувства, близкие к «сивомасковским», он не просто отгоняет их, но стремится истребить: «Но как избавиться от всего этого чисто человеческого, которое я ненавижу не столько в других, но больше в самом себе? Конечно, меня сложно понять: если у них восхищение вызывает то, что они называют прекрасным

и возвышенным, то у меня их восторги, кроме удрученности, ничего не рожают. Еще давно я сделал первые шаги по пути, удаляющему меня от людей: в школе и техникуме отказался от общения со знакомыми, единственным собеседником и другом для меня стало Время»... Персонаж пускается в путь с обмылком, полутора тысячами рублями, скудным запасом провианта и вполне современным, невесть откуда у него взявшимся, планшетом. Да это и несущественно, поскольку необходимо для его идейного продвижения по тайге и редких включений в происходящее во внешнем мире.

Александр Потемкин, как и всегда в своем творчестве, обыгрывает целый пласт идей и сюжетов. Собственно, узнаваемая цитатность характерна для современного, особенно постмодернистского мышления. В данном случае перед нами роман-путешествие, но также доведенный до логического предела. Преодолевая в XXI столетии тысячи километров пешком, персонаж по сути путешествует по закоулкам собственного сознания и постоянно декларирует это. Если молодой человек классического романа-путешествия к его завершению «воспитывался» приключениями, общением с новыми людьми, совершенствовался, то и Махоркин меняется к финалу, но эта эволюция – от интереса к собственной идее – через полное погружение в нее – к отчаянию и трагическому концу.

В начале пути Федор Михайлович определяет его цель и координаты: «В этом путешествии, и я должен это понимать, мне откроется не реальная картина мира, а ее искаженный образ, порожденный моим болезненным сознанием. В этом понимании мой эгоизм становится абсолютным. Свою жизнь я посвящаю лишь себе самому. И чихать я хотел на всех и даже на свой собственный биоресурс. Я одинок и не испытываю никакого желания иметь какое-либо

имущество, кроме собственных, порой вздорных, мыслей».

Люди, по Махоркину, в основном обладают самым низким интеллектом, их потребности примитивны, а современное человечество выродилось безнадежно – люди истребляют себя и себе подобных (мотив расширения масштабов уничтожения, войны, ненависти пронизывает повествование): «... свою вершину человечество уже миновало. Последние тридцать лет оно катится в бездну, набирая скорость. Свет, озарявший души и разум, потускнел. Разгул потребительства и восторги от жалких мыслишек, напоминающих мелкие клочья былого, цельного и даже великого, нынче писком наполняют Вселенную». Такому человечеству нет места в Галактике, и хотя человек – результат случайных космических мутаций, хаоса материи, этот продукт не удался. Единственный путь – создание биоинженерным путем новой человеческой особи с несопоставимым с нынешним, высоким уровнем НИС.

Следует «вывести» принципиально новый тип человека, и это берет на себя Махоркин из Сивой Маски. Продуктом нанокупажа станет Соло Моно. Поначалу Махоркин еще осознает, что ему не под силу создать нового человека, что все планы – лишь игра его воображения: «Я мечтаю совершенствовать свой вид, то есть, сивомасковцев во всем мире, но отлично понимаю, что для этого у меня нет Времени, и вот я нашел успокаивающий меня компромисс: мне важно не столько само физическое перерождение, изменение собственной сути, сколько постоянное размышление об этом невероятном чуде...».

От непрекращающегося внутреннего монолога героя время от времени отвлекают события, составляющие некое развитие сюжета, мы подчеркиваем «некое», поскольку ведущим движением сюжета является развитие самого Махоркина от мечтаний к полному подчинению

собственной идее. Он находит в тайге труп и документы, которые могут принадлежать убийце. Так и происходит, Федор Михайлович на время «сбивается» со своей траектории и оказывается в небольшом городке, где выслеживает убийцу – тупого братка, от которого чудом спасается. Далее он встречается с немкой – членом антиурбанистской организации «Индивидуалис». Девушка годами живет в лесу, изредка встречаясь со «своими» и обсуждая лишь насущные проблемы выживания. Касаться вопросов политики и современного быта запрещено. Следующей оказывается компания купальщиков, устроившая на берегу групповую оргию, затем пьяная компания, от которой Махоркин едва уносит ноги. И еще безумный тип, требующий общения, этот оказывается садистом и рассказывает, что может перемещаться из эпохи в эпоху, причем проделывает свои скачки ежедневно – оказываясь то в застенках ГУЛАГа, то среди современных экстремистов. Сам он отрубил голову человеку, который чем-то его рассердил. Галерея чудаков, дикарей, извращенцев и сумасшедших почти не затрагивает чувств Махоркина, он спасается погружением в мечты о нанопинцете, который необходим для создания нового человека на атомно-молекулярном уровне. Вообще он постоянно подчеркивает, что люди его не занимают, он вне этого мира страстей, да и встреченные им лишь убеждают, что человечество безнадежно и нужно поскорей заняться трансформацией людского рода. Моментами герой удивляется самому себе, декларируя одиночество как единственно приемлемую для него форму существования. Одиночество Махоркина абсолютно. Собственно, все герои А.Потемкина одиноки, но в данном случае оно непробиваемо. Да и персонажи, появившиеся на страницах романа лишь подтверждают, что каждый бредет сам по мрачной тайге своих пе-

реживаний и мыслей. Природная тайга здесь не причем – она величественна и прекрасна, Махоркин изредка ощущает ее красоту, он чувствует повадки зверей. Но это также затрагивает его «по касательной». Тайга же его сознания мрачна и непроходима.

Однако постепенно возникает ощущение, что Махоркин все же страдает от своей невписанности в реальность. «Я ничем и никогда во внешнем мире не очаровываюсь, потому, что его, мира, я вообще не вижу. Про себя я никогда не восклицал: «Как красиво!» или «Как безобразно!». Когда не замечаешь окружающую действительность, сказать, слава богу, нечего. Молчишь и раскидываешь умом». Лишь пару раз он тепло вспоминает библиотекаршу из родного городка, которая помогла ему. И однажды в его памяти звучит: «Я лишь эпизодом вспомнил свою бабулю и прервал работу памяти», «бабулю», по-видимому, сыгравшую главную роль в его детстве. Остальные – лишь ошибка мутаций: «Да-с, неудачный биоинженерный проект сотворения сивомасковцев вынуждает меня к его фундаментальному переделу ... Но тут без геной инженерии желаемого результата добиться невозможно. Других инструментов, способных гасить соблазны потребления, воспитывать невосприимчивость к телесным искушениям, я не вижу. Однако ампутация чувственности вызовет колоссальный социальный взрыв: сокращение у граждан небольшого таежного городка потребительского спроса приведет к спаду производства, а это послужит толчком к развитию экономического кризиса. Лопнут социальные программы».

Все в герое противоречиво и нескладно. С одной стороны, соотечественники его вообще не интересуют, с другой – он размышляет об экономическом кризисе, о котором при его образе жизни никак не должен заботиться. Возникает вопрос – а

не эмоциональная ли тупость присуща Махоркину? Как известно, это понятие из области психиатрии, симптом тяжелых заболеваний.

Да и свою идею герой часто называет навязчивой. Но чем дальше, тем больше она охватывает его целиком. «Их (то есть «сивомасковцев» – М.Ф.) для меня нет. Моя мечта – быть их противоположностью. И все! Единственная моя мысль, которая вызовет у них неприязнь ко мне, так это что я в своем сознании, а не публично утверждаю: сивомасковцы – не конец эволюции, довольно скоро появится новое существо Соло Моно, мой приемный сын». Писатель мастерски прослеживает, как сознание Махоркина становится все более воспаленным, герой моментами осознает это, но все реже и реже. «Мне достаточно подключить к мозгу существующую в сознании информацию, касающуюся устройства наносборщика, и в воображении возникнет образ нового существа – я мечтаю назвать его Соло Моно или Сам в Себе». Противоречия усугубляются: «Вообще же у меня нет никакого сомнения, что все связанное с моим главным проектом, а значит, с этапами жизни Махоркина и с воспаленным сознанием Федора Михайловича, отмечено какой-то ниспосланной свыше сверхсилой». Какие же высшие силы, когда Махоркин абсолютно убежден в отсутствии высших, во всяком случае, божественных сил? К примеру, он утверждает: «Если я – мельчайшая часть общей материи, то и передо мной не должны возникать вопросы, что есть божественное, благородное, а что – дьявольское, антигуманное. Жизнь, материя, Вселенная – это продукты стихии, а я могу внести в этот необдуманный процесс интеллектуальное начало».

Постепенно проявляются черты мании величия. Махоркин начинает верить, что именно он создаст Соло Моно: «Надеюсь, настанет день, когда я передам

в дар миру идеальный образец великого Соло Моно. В его сознании моментально будет совершаться оценка любого глобального события, точная и всесторонняя».

Если одной из целей автора было нагнетение безысходности, это удалось блестяще – читатель словно прорывается через тайгу вместе с Махоркиным – тайгу реальную и непроходимую тайгу его воспаленного сознания. И постоянно герой видит перед собой полотна Сальвадора Дали, которые становятся лейтмотивом наррации, а возможно, и ключом к пониманию видений Махоркина. В романе, как у А.Потемкина во всех произведениях, просматривается широкий культурологический ареал – переключки с Ницше, Хайдеггером, Федоровым, современными философами, сюжетные и персонажные цитаты из Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Маркеса. И, конечно, Достоевский, который, словно закулисный персонаж, присутствует в ткани романа, а его наследие является ведущим интертекстом.

Попутно Махоркин начинает высылать по электронной почте статьи-послания сильным мира сего – главам государств, высшему духовенству. Это размышления о мировых религиях и институте церкви, о политике и Евросоюзе. Он даже переводит их с помощью компьютера на английский и китайский, считая, что его посланиям должны внять все континенты, и одновременно сомневаясь, что на них отреагирует хоть один адресат. Эти вставки представляются менее органичными, во-первых, вряд ли Махоркину могут быть доступны все приведенные в них сведения, во-вторых, при своем воспаленном состоянии он скорее всего не мог бы логически построить какой-либо текст, хотя известны случаи, когда люди, охваченные сверхидеями, направляют свои тексты именно в высшие инстанции.

Последнее послание каса-

ется пагубности искусственного интеллекта и уверенности, что именно новый биочеловек должен населить планету: «Скажу, что материальной реальностью является лишь вещество. Соло Моно создается из материальной реальности, то есть из вещества; это творение из органики. Существуют причины, вынуждающие меня браться за свое детище без промедления. У меня есть конкуренты. Я бы выразился даже более жестко: у сивомасковцев есть противники, которые ни перед чем не остановятся. Это всемирно известные фирмы, основательно взявшиеся за создание искусственного интеллекта. Они намерены использовать не природные органические вещества, а пластик, металлы и прочую неорганику. Поэтому я не могу браться ни за какой другой проект. Соло Моно фактически стало частью моего собственного существа; кроме идеи создания жителя Вселенной, в голове моей ничего нет и быть не может».

И, наконец, герой на пике своего земного унижения начинает собственно себя ощущать первым новым человеком: «В этот момент в голову пришла совершенно неожиданная, обескураживающая сознание мысль. Если я так радикально отличаюсь от сограждан своей ментальностью, мировоззрением и дерзновенной устремленностью к созданию нового обитателя глобального мира, если я совершенно не испугался отправиться в преисподнюю, то возможно предположить нечто удивительное: некий неизвестный (или неизвестные) ученый уже сложил 27 лет назад из биологического строительного материала самого Федора Махоркина, первую версию Соло Моно?» Кто же этот Соло Моно? Субъект, обладающий высочайшим ИИ, которому будет доступен диалог с разумными существами всей Галактики. Но каковы его душевные качества? Единственное, о чем рассуждает в этом направлении Махоркин – новый человек будет

лишен всего суетного и не будет агрессивным. Неудивительно, что мечты Махоркина полны противоречий: то он говорит, что ничто из жизни homo sapiens не будет характерно для Соло Моно, то пытается наделить его именно лучшими человеческими качествами – душевными, а не только интеллектуальными... И все глубже в эти противоречия погружается.

Встреча с предполагаемым спонсором – реальным олигархом Пенталкиным состоялась и завершилась крахом. Поначалу бизнесмен даже заинтересовался проектом, но вскоре осознал, что перед ним безумец. А, возможно, оказался не способным оценить масштаб идеи. Если раньше, порой с параноидальным стремлением, пытались создать вечный двигатель, то перед нами – задача создать новый тип человека, таков изобретатель XXI века. Фактически Пенталкин – единственный оппонент идей Махоркина, увидевший в нем обиженного, несостоявшегося человека, которому недоступны обычные чувства и занятия обывателя. Когда-то был задан вопрос: «Достаточно ли он сумасшедший, чтобы быть гениальным?» В отношении персонажа А. Потемкина этот вопрос остается открытым.

Герой совершает самоубийство – на последние деньги покупает в аптеке пенталгин и настойку боярышника и уходит из жизни. В последние мгновения угасающего сознания он надеется, что продолжит свой путь в ином измерении и там осуществит свою мечту.

Махоркин не раз размышлял о смерти, и ему кажется банальным и непристойным обычное погребение. «Смерть должна быть праздником!» – заявляет человек, не способный ощущать радость жизни. Мысль о том, как совершится погребение, нередко будируется в современной литературе. Так, героини пьесы польского писателя Ежи Пильха «Множество демонов» – юные сестры, наде-

Захар Прилепин, Александр Потемкин, Капитолина Кокшенева, Дмитрий Володихин с супругой

ленные сверхъестественными способностями, решают быть сожженными после смерти. Это рассматривается как вызов, поскольку их отец – протестантский пастор.

Роман «Соло Моно» – еще более резкий и безжалостный, чем остальные произведения писателя. Если раньше А. Потемкин размышлял о падении человека внутри человеческих категорий и оценок, то ныне он представил персонаж, выведенный из системы людских чувств и ценностей. Если в центре предыдущих романов была, прежде всего, судьба России, то в «Соло Моно» выносится приговор нынешнему состоянию и «исчерпанности» всего человечества. Роман программный, написанный в уже известном нам авторском жанре – вpletенное во все пласты художественной ткани философское обоснование, препарирование разрушенного мира и человека в нем. Отдельного персонажа и всего человечества в целом.

Возникает вопрос, почему мысли и идеи, которые тревожат самого автора, доверены «пораженцу», человеку убогому? Божественную миссию создания нового человека берет на себя некто, не верящий в Создателя. Но если взглянуть с иной точки зрения – с позиции гуманистической русской литературы – перед нами несчастный, недолюбленный, недоласкан-

ный человек, возможно, с большим нереализованным потенциалом. Однако потенциал этот направлен на несоизмеримые с его масштабом идеи, которые, созидательные по замыслу, оказываются для него разрушительными. Он мечтал расселить свое творение по всему Космосу, а бездна космоса и безграничное время обернулись для него тупиком. Хотя в своей творческой мысли Александр Потемкин почти всегда непредсказуем. Возможно, такой персонаж, пребывающий на грани полета интеллекта и мерцающего, воспаленного сознания, и может быть глашатаем прорыва в новые перспективы?

Многие вопросы остаются без ответа. В наши дни, когда всем мыслящим людям очевидно, что человечество достигло грани, за которой или бездна, или поиски принципиально новых путей, когда искусственный интеллект несет в себе реальную угрозу, которая, быть может, не за горами, размышления о возможных путях весьма актуальны. И роман А. Потемкина погружает в самые тяжелые, но неизбежные раздумья.

Ведь, возможно, из дремучего таежного сознания есть выход. И раз человечество, по крайней мере, нужно не уничтожить, а улучшить, это может быть путем к надежде.

Тбилисский театр оперы и балета, в котором Сергей Лемешев проработал два сезона

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

Среди чисто тбилисских историй, в которых исконно переплетаются быль и легенды, я с юности слышал и эту. Очень пожилые и весьма очаровательные дамы в разных компаниях с гордостью вспоминали, как в конце 1920-х годов они, вместе с другими восторженными любительницами оперы, подняли на руки автомобиль, где сидел певец, ставший их кумиром. Впрочем, чего только не расскажут замечательные тбилисские дамы... Но бесспорно одно: именно в Тбилиси появились первые, говоря по современному, фанатки Сергея Лемешева, толпами поджидавшие его у дверей театра с криками: «Лемешев душка!». И лишь потом их дело много лет продолжали в Москве «лемешистки-сыристки», получившие такое прозвище от названия магазина... «Сыр». Он более полувека назад находился недалеко от дома знамени-

того певца и в него забежали погреться в ожидании появления Сергея Яковлевича поклонницы. А со временем понятие «сыр» на театральном сленге распространилось на всех фанатичных поклонников звезд... Впрочем, к пребыванию Лемешева в Грузии сие уже не имеет никакого отношения, а нам будет интересно посмотреть на жизнь этого человека до и после того, как именно из Тбилиси он шагнул на прославившую его сцену Большого театра.

Можно смело сказать, что стать певцом пареньку из села Старое Князево в Тверской губернии предназначило само провидение. У отца его был отличный голос, Лемешев вспоминал: «Без песни я его не представляю. Пел отец всегда охотно, с большой душой, как вообще все делал, — равнодушным, спокойным я его не видел. Голос у него был звонкий, красивый». Но еще лучше

пела мать: «Мне запомнились долгие зимние вечера, когда мать со своими подругами сидела за пряжей и они пели согласным, стройным хором. Тонкий, инструментально ровный голос матери поднимался над другими, звучал грустно и нежно». Неслучайно уже в пятнадцать лет Акулина Сергеевна была солисткой церковного хора, а на селе это весьма уважаемый человек. Отлично пели и три брата отца, и младший брат Сергея — Алексей, которого Лемешев, попав в Большой театр, даже пристроил туда на некоторое время артистом миманса.

А другим ярким впечатлением детства для Сергея становится жизнь в Петрограде, где он учился... сапожному мастерству. Все четыре брата матери были сапожниками, и к одному из них, Ивану, жившему на берегах Невы, мальчика, окончившего четырехлетнюю

Сергея Лемешева в Петрограде. 1914

князевскую школу, отправляют подмастерьем. Сапожное дело было не самым любимым занятием, хотя давало профессию, которая могла обеспечить дальнейшую жизнь. Как только у Сергея появляются первые заработки, он тратит их (за исключением денег, посылаемых матери), на походы в синематр, в котором перед сеансами выступают эстрадные куплетисты, и в знаменитый цирк Чинизелли. Так происходит его первое знакомство с искусством. Ну, а сапожное ремесло... Во-первых, оно стало первой школой жизни. А во-вторых, много лет Лемешев сам себе ремонтировал обувь. Что ни говори, вторая профессия, как в старом анекдоте: «И еще немножечко шьет».

В 1916-м году все, работавшие в сапожной мастерской, призываются в армию, а Сергей возвращается домой и начинает сапожничать в селе Стренево. Но увиденное в Петрограде не забывается, и он выступает с куплетами перед ровесниками, а потом приходит в драматический кружок, открытый в школе сельской учительницей Екатериной Прилуцкой. «Он настолько есте-

ственно играл, что порой забывалось, что находишься на спектакле, – вспоминала одна из участниц этого кружка. Екатерина Михайловна часто хвалила его, ставя другим в пример. Мне довелось однажды суфлировать спектакль «Бедность не порок». Многие пользовались подсказкой. Сергей же никогда не прибегал к помощи суфлера. Он был уже тогда любимцем кружковцев и односельчан».

Через пару лет мать Лемешева находит работу в только что открывшейся в усадьбе Малый хутор Государственной школе-мастерской. Ею руководит выдающийся московский инженер-архитектор, художник, поэт, драматург и музыкант Николай Квашнин, участник строительства Казанского вокзала, гостиницы «Метрополь» и Московской городской думы. Акулина занимается уборкой, кашеварит, топит печи. До родного села далеко, и ей с сыновьями выделяется маленький домик. Сергей помогает матери, а в свободные минуты, конечно же, сапожничает. Конечно же, напевая. Услышавшая это пение жена Квашнина – Евгения Николаевна – в восторге. Она убеждает талантливого подростка заняться с ней пением по консерваторской программе. Сам же Квашнин открывает в своем доме театр, и Лемешев дебютирует в нем «Песней цыганки» Петра Чайковского, разучивает арии из классических опер, народные песни. Квашнины пересказывают ему сюжеты классических опер, знакомят с записями великих певцов, компенсируют упущения в литературном образовании (вспомним, что в школе было всего четыре класса). И вот итог: «Передо мною вдруг неожиданно-негаданно открылся такой мир, о существовании которого я даже и не подозревал».

Его хвалят все окружающие, но этого уже мало, хочется известности у широкой публики. И зимой 1919-го он отправляется в Тверь. «В коротком ватнике, в валенках и бумажных брюках я прошагал около пятидесяти верст в тридцатиградусный мороз. Пришел

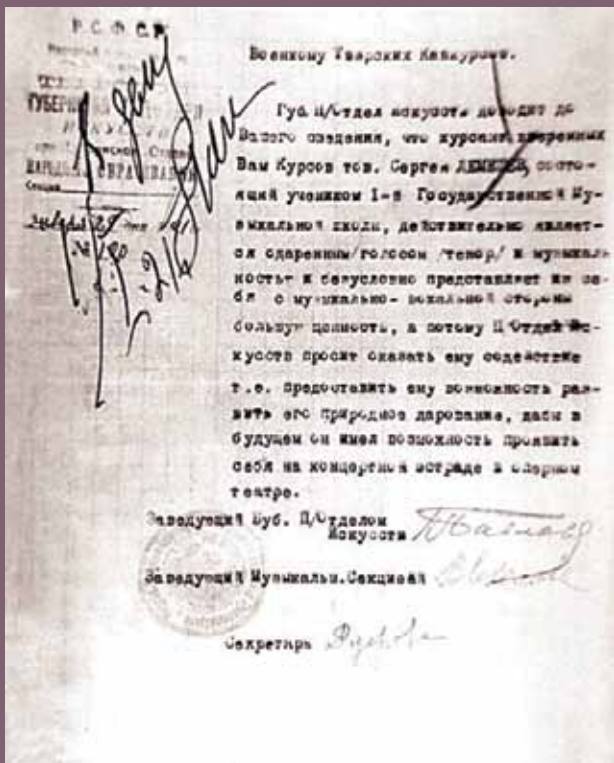
в город под вечер, переночевал у знакомых, а наутро пошел искать «концертный зал». В центральном клубе ему дают выступить в концерте, успех несомненен, Лемешев даже получает несколько письменных рекомендаций – чтобы передал в «соответствующие инстанции» для направления на учебу в Москву. Но бюрократы во все времена остаются мастерами «отфутболивания», и Сергей возвращается домой ни с чем.

Однако неудача не обескураживает. А после того, как Евгения Квашнина отвозит его в Большой театр, на «Демона» Антона Рубинштейна, приходит окончательное решение: обязательно выступать на сцене. Путь туда начинается с Твери, хотя Лемешев официально учится там в заведениях, весьма далеких от искусства – в трехмесячной советско-партийной школе, а затем на Образцовых курсах командного состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Ведь надо же на что-то жить, пока неофициально берутся уроки вокала у руководителя Тверского драматического театра, преподавателя музыкального училища Николая Синельникова. А в совпартшколе и на курсах неплохая стипендия...

Между тем культурная жизнь города кипит, Сергей слышит выступления таких оперных звезд, как Леонид Собинов, Антонина Нежданова,

Сергей в Тверской совпартшколе

Сергей Мигай. А в гарнизонном клубе сам выступает в концертах художественной самодеятельности, исполняет главную роль в популярном водевиле того времени «Иванов Павел». Начинается учеба и в 1-ой Государственной музыкальной школе. Причем курсант учится вокалу так, что на свет появляется следующий документ губернского подотдела искусств:

«Военкому Тверских курсов

Губ п/отдел искусств доводит до Вашего сведения, что курсант вверенных Вам курсов тов. Сергей Лемешев, состоящий учеником 1-й Государственной музыкальной школы, действительно является одаренным голосом (тенор) и музыкальностью и, безусловно, представляет из себя с музыкально-вокальной стороны большую ценность, а поэтому п/отдел искусств просит оказать ему содействие, т. е. предоставить ему возможность проявить себя на концертной эстраде, в оперном театре.

Заведующий губ. п/отделом искусств П. Павлов.

Заведующий муз. секцией подотдела В. Соколова.

29 января 1921 года».

Чтобы «проявить себя на концертной эстраде, в оперном театре», необходимо высшее образование, и Лемешев поступает в Московскую консерваторию, которой руководит переехавший из Тифлиса Михаил Ипполитов-Иванов. Уже на вступительном экзамене Сергей выделяется каватиной князя из оперы Даргомыжского «Русалка», но... «Я никак не мог понять, как надо петь правильно! То упустил дыхание и напрягал мышцы горла, то мне начинал мешать язык, и чем больше я о нем думал, тем труднее было справиться с ним. Казалось, вот нашел что-то, и снова не то». В общем, весь первый курс он по-

свящает практически лишь вокализмам и распевкам – для развития голоса и совершенствования вокально-исполнительской техники. Самое незабываемое впечатление в годы учебы – последние перед отъездом за границу концерты Федора Шаляпина, весной 1922-го в Большом зале консерватории. «Словно зачарованный, я просидел в ложе до самого конца, и не раз слезы застилали глаза... Я был потрясен! Никогда раньше я не представлял себе, что можно так петь, такое сотворить со зрительным залом», признавался Лемешев. А потом в его жизнь входит семья профессора Ивана Соколова.

Начав с занятий с ним в классе ансамбля и общего курса фортепиано, Сергей становится и завсегдаем «музыкальных сред» в его доме. С Соколовым он подготовил немало арий и несколько сольных концертов, всю жизнь руководствовался его советами о работе над фразой в вокальных произведениях. «Я жил в их семье как родной и навсегда сохранил в своем сердце глубокую благодарность этим замечательным русским людям с их сердечной добротой, неисчерпаемой душевной щедростью и радушием. На какое-то время они заменили мне родную семью и много сделали для воспитания моей души и любви к искусству», – вспоминал певец. А главное – он женится на дочери профессора Наталье, с которой познакомился на «музыкальных средах». Та носит фамилию матери – Киселевская. Правда, брак их длится недолго – всего четыре года. Скорее всего, сказалося то, что по окончании учебы они работали в театрах разных городов. Да, они писали друг другу теплые письма, но жизнь в разлуке оказалась не для них.

Любовь – любовью, а занятия – занятиями. Лемешев решает не ограничиваться консер-

С. Лемешев – студент консерватории. 1920-е гг.

Лемешев с первой женой Натальей. 1924

ваторским образованием, изучить и актерское мастерство. А у кого это делать, как не у Константина Станиславского? И в записной книжке великого реформатора театра в 1924 году появляется запись: «Лемешев – консерваторец, бледный, худой, голодный...» Сам Лемешев признавался: «Мне трудно представить себе, как бы сложилась вся моя сценическая судьба, если бы я не встретился со Станиславским». Занятия проходят в Оперной студии Станиславского при Большом театре, и нам стоит прочесть еще один документ. Чтобы понять, зачем он понадобился, уточним обстоятельства появления Лемешева в Москве. При переезде, его никто не увольнял из армии, он перевелся «по военной линии» и всю свою учебу совмещал со службой в воинской части. Конечно же, это нелегко, и его командованию отправляется такое письмо:

«Дирекция Оперной студии имени народного артиста республики К.С. Станиславского просит Вас не отказать в переводе красноармейца... тов. Лемешева на штабную работу во вверенный Вам штаб ввиду того, что этот перевод даст возможность тов. Лемешеву, обладающему хорошим голосом, совмещать службу в армии с работой в Студии, и он сможет продолжать совершенствовать свои незаурядные артистические данные. Для Студии тов. Лемешев является очень ценным и полезным работником. Директор народный артист Республики К. Станиславский». «Это письмо сделало свое дело, – вспоминал Лемешев. – Но более всего для меня важно в этом документе признание самим Станиславским моих артистических данных. Это укрепило мою веру в свое будущее как оперного артиста, заставило еще более активно работать».

Но вот консерватория позади, молодого певца приглашают из студии в Большой театр. Однако роли предлагают маленькие, Лемешев хочет большего, и тут появляется директор Свердловского оперного театра Борис Арканов, обещающий главные партии. И с 1926 года Сергей выступает в Свердловске, за один только сезон спев там двенадцать партий ведущего репертуара. А за три месяца до окончания сезона его пригла-

шают в Русскую оперу при Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) в Харбине. Это административный центр Маньчжурии, но дорогу вместе с Китаем эксплуатирует и СССР, поэтому в городе много советских служащих, а в Железнодорожном собрании работает Русская опера. Там певец, в основном, шлифует свой репертуар, выступает и в оперетте, а американская фирма «Виктор» выпускает первые пластинки с его песнями. После двух сезонов Лемешев возвращается в Москву: «Если в Свердловске я выдержал испытание на профессиональную пригодность для оперы, то новые два сезона уже дали определенный сценический опыт. Дольше оставаться здесь я не захотел – тянуло домой, в Россию».

Полтора месяца работы в Перми, где ему не нравится обстановка в труппе, вновь Москва и, наконец, судьбоносная встреча с директором Тбилисского оперного театра И. Мачабели. Еще перед отъездом в Свердловск Лемешев решил как минимум пять лет поработать в лучших периферийных театрах Советского Союза, но переговоры с тбилисским директором начинаются не очень гладко. Тот предлагает пятьсот рублей за восемь спектаклей в месяц, Лемешев настаивает на семи, «так как на опыте убедился, что это предельная нагрузка для исполнителя ведущих партий лирического репертуара». Директор хочет послушать пение Лемешева, но... «Уже немного зараженный «премьерством», я посчитал за унижение петь перед ним как начинающий певец и предложил послушать записи, которые я сделал в Харбине». На этом, к счастью, трения

С. Лемешев в Студии К. Станиславского

С. Лемешев — солист Свердловской оперы. 1926

заканчиваются — Мачабели сообщает, что получил «самые лучшие отзывы и принимает все условия». Но в душе Лемешева опять, как говорится, все не слава Богу:

«Я обрадовался, что получается по-моему, и тут же поймал себя на том, что испытываю тревогу: когда все решилось, как мне хотелось, я... испугался Тбилиси. Бывалые певцы мне не раз говорили, что там «пройти» не так легко. Это город старых оперных традиций — еще с середины прошлого столетия в нем регулярно работала итальянская труппа. В 80-х годах ее сменила русская опера, которой руководил М. М. Ипполитов-Иванов. Тифлис охотно посещали все выдающиеся русские певцы. Известно, что там получил свое первое признание юный Шаляпин. Кумиром публики в первых десятилетиях века был замечательный грузинский тенор Вано Сараджишвили. После революции тифлисская опера особенно расцвела. Туда стекались лучшие артистические силы. Появились свои национальные кадры.

Много понаслышался я рассказов и о местной публике — горячей, очень любящей пение, но избалованной превосходными исполнителями и потому очень требовательной. Я понимал, что, пожалуй, этот сезон может решительно повлиять на всю мою дальнейшую судьбу... Главным мерилom успеха считалось предложение артисту остаться на второй сезон: это значило, что он «прошел» у публики. Если же артист оставался на третий сезон — то все понимали, что он стал уже любимцем местных слушателей. Я решил обязательно пропеть в Тбилиси два сезона».

Грузинская столица очаровывает Сергея

Яковлевича «своим неповторимым сочетанием прекрасной европейской архитектуры и яркого южного колорита, жгучим солнцем, обилием зелени и необычайной жизнерадостностью». Яркое впечатление: «На центральной магистрали города — проспекте Руставели, — окруженное с обеих сторон изящными скверами, стоит монументальное здание. Кружевные арки и голубые купола в мавританском стиле придают ему легкость и стройность, скрадывая истинные масштабы. Это и есть Государственный театр оперы и балета имени З. Палиашвили. В те годы он еще назывался просто Госопера, а композитор, именем которого был позднее назван театр, тогда возглавлял Тбилисскую консерваторию».

И о труппе театра самые приятные впечатления: «Кроме режиссера Боголюбова, с которым я работал в Свердловске, других знакомых я не встретил. В труппе преобладали грузинские певцы, отличавшиеся великолепными голосами: прекрасные драматические тенора Д. Андгуладзе и Н. Кумсиашвили, лирические баритоны — тонкий, артистичный А. Инашвили, его брат Г. Венадзе, замечательный актер, певец высокой культуры бас Леон Исецкий, молодой тогда Датико Бадридзе, исполнявший лирический репертуар, бас В. Шарашидзе (брат режиссера Большого театра Т. Шарашидзе). Из приезжих назову великолепное колоратурное сопрано Е. Попову, работавшую в Тбилиси уже много лет, лирическое сопрано М. Баратову, перешедшую вскоре на сцену Большого театра, выдающегося драматического баритона И. Горелова. За дирижерским пультом театра стояли Иван Петрович Палиашвили, брат композитора, и А. Павлов-Арбенин, очень глубокий и своеобразный музыкант. Но особенно поразили мое воображение имена предполагавшихся гастролеров — Ал. Пирогов, К. Держинская, С. Мигай, Вл. Сливинский, М. Максакова, Н. Печковский, Дм. Головин...»

С. Лемешев в Тбилиси. 1929

Первый спектакль в Тбилиси – «коронный» лемешевский «Евгений Онегин»: «Заглавную партию пел Сандро Инашвили, один из лучших Онегиных, с которым я когда-либо встречался на сцене. Культурный певец, элегантно, прекрасно носивший фрак, он был красив, благороден и обаятелен. В моей памяти слабо сохранился этот спектакль – возможно, потому, что прошел он не очень ярко. Тбилисская публика, помнившая в Ленском еще Вану Сараджишвили, пять лет назад приветствовала на своей сцене Л. Собинова и примерно за год – Козловского, естественно, еще «присматривалась» к новичку. Кроме того, на тбилисской сцене с давних пор жил культ прекрасного пения, блеска вокального мастерства – традиции, оставшиеся еще от времен итальянской оперы и отвечавшие характеру национального темперамента, самой роскошной природы Грузии. В партии же Ленского на первом месте – глубокая, чистая лирика. Однако дебют, очевидно, прошел все же неплохо, так как после этого спектакля я получил весь ведущий репертуар, в том числе и ряд новых партий...»

Нравится Лемешеву даже то, что ему было непривычно: «По сравнению со Свердловском и Харбином в Тбилиси была, если можно так сказать, несколько иная звуковая атмосфера. Внимательно вслушиваясь в голоса певцов, несущиеся со сцены в зал, я отмечал яркое звучание, полный диапазон, ровность регистров, крепкие верх, кантиленность. Все это считалось обязательной нормой исполнения и всячески поощрялось не только дирижерами, но и режиссерами. Именно этим можно объяснить прекрасный состав оперной труппы и то, что столицу Грузии с охотой посещали лучшие артистические силы Москвы и Ленинграда. Меньше увлекались здесь постановочными новациями, но общий уровень сценической культуры был несомненно на высоте. Талантливые и опытные певцы, составлявшие обычно творческое «ядро» тбилисской труппы, редко грешили против психологической правды образа. Все это создавало прекрасную обстановку для развития молодых певцов, которым прежде всего надо было утвердиться в своем вокальном мастерстве.»

В Тбилиси происходит и встреча с человеком, которому, по словам Лемешева, «суждено было сыграть огромную роль в моей жизни». Окончив Ленинградскую консерваторию, в родной город возвращается Александр Мелик-Пашаев, «оперный дирижер, как говорят, милостью божьей», который «буквально вырос в тбилисской опере, начав там свой путь с работы пианиста-концертмейстера». Он занялся постановкой «Князя Игоря» Бородина и очень подружился с Лемешевым, признавшим потом, что этот человека очень много дал ему как оперному певцу:

«Когда за пультом стоял Мелик-Пашаев, я всегда был не только спокоен (чувство, необходимое певцу), я ликовал в предвкушении еще одной встречи с вдохновенным артистом. И это состояние помогало преодолевать любые вокальные трудности. Дирижер, казалось, дышал и пел вместе с тобой. Если к этому добавить, что Мелик-Пашаев сразу же взял на себя весь лири-

ческий репертуар, в котором пел я, если вспомнить, что в 1931 году почти одновременно мы с ним были приняты в Большой театр и здесь чаще всего именно с ним я пел мои любимые оперы... Последние пятнадцать лет мы жили с ним в одном доме и, часто встречаясь на прогулке, беседовали о театре, об искусстве, о музыке... Незадолго перед своей кончиной как-то в разговоре, вспоминая о прошлом, Александр Шамильевич сказал: «А все-таки удивительная у нас дружба, Сережа. Так давно мы знакомы, так долго работаем вместе, но никогда не сказали друг другу неуважительного слова, никогда в наших отношениях не было небрежности, панибратства».

Среди партий, впервые спетых на тбилисской сцене, самой памятной для Лемешева стал герцог из «Риголетто». До этого певец несколько раз брался за эту роль, но считал: «Виртуозности, легкости, непринужденности пения в этой партии мне не удавалось достичь». В Тбилиси же происходит настоящее чудо: «Я вдруг ощутил желанную свободу, которой так недоставало мне раньше. А ведь работал я над герцогом в Тбилиси совсем немного: меня не могли ждать, пока я соберусь, впоюсь... Я храбро пришел на спевку... Певцы, певшие тогда на тбилисской сцене, составляли превосходный ансамбль, позволивший мне быстро освоиться с новой партией и войти, как говорится, во вкус». Что ж, во вкус он входит настолько, что, когда его по нескольку раз вызывают на бис, поет песенку герцога не только по-итальянски, но и на... грузинском и армянском языках.

И еще о «Риголетто» и тбилисских зрителях. А точнее о фанатках, впервые в жизни певца появившихся в столице Грузии: «Припоминаю мое первое выступление с Дм. Головиным в «Риго-

В роли Альмавивы в Тбилисском оперном театре.1929

летто» на тбилисской сцене. «Поклонницы» в страхе, как бы московский гастролер не затмил их «предмет», решили «застраховать» мой успех и после арии «Вижу голубку милую» закидали меня лавровыми венками. Я даже испугался, когда увидел, что на меня из верхней литерной ложи летит что-то большое, мохнатое... В последнем же акте... Головин – Риголетто несколько раз выходил на сцену, а публика все еще меня не отпускала. Он даже разозлился и обозвал меня «сладким тенором». Я понимал неловкость своего положения, но боялся оскорбить публику (в Тбилиси привыкли к бисам и мое нежелание ответить на требования могли бы принять за высокомерие)».

А теперь прислушаемся к еще одной фразе из воспоминаний Серея Яковлевича. Рассказывая о том, какое влияние оказали на него знаменитости, приезжавшие в Грузию и певшие на одной с ним сцене, он пишет: «И вот в 1930 году в Тбилиси к нам приехала на гастроли Максакова». К нам! Ни о Свердловске, ни о Харбине, ни о Перми он так не писал. Ну, не подтверждение ли это того, что для Лемешева своим стал Тбилиси, в котором он «прошел школу вокально-сценического искусства»?

Тем временем заканчивается его второй сезон на берегах Куры, где он «вовсе не считал себя хоть сколько-нибудь равным московским гастролерам, но, во всяком случае, не портил ансамбля, и они были мною довольны». Бессменный партнер приезжих знаменитостей и любимец местной публики считает, что «созрел» в Тбилиси для Большого театра. Он пишет письмо Арканову, в свое время увезшему его в Сверд-

ловск, а в 1931-м работающему уже в Большом заместителем директора. Ответ окрыляет: ему дают партию Берендея в «Снегурочке». А постановщик Владимир Лосский в то время находится в ...Тбилиси. И роль в деталях и мизансценах отработывается на проспекте Руставели, чтобы триумфально прозвучать уже на московской Театральной площади.

«Напутствуемый добрыми пожеланиями друзей, я тронулся в путь». Можно добавить: и провожаемый горькими слезами поклонниц. Он обретет всемирную славу, сыграет главную роль в культовом фильме «Музыкальная история», еще четыре раза женится, сплет все сто романсов Чайковского, будет ездить с бригадами артистов на фронт, петь с одним легким, победив туберкулез, станет Народным артистом СССР, лауреатом Сталинской премии, оперным режиссером, руководителем кафедр в Московской консерватории, ведущим передач на Всесоюзном радио... Исследователи творчества Сергея Яковлевича считают, что в его судьбе счастливо сошлись три фактора: лирический талант, особо востребованный в «эпоху бравурных маршей и трескучих речей», целеустремленность и «везение на встречи с людьми неравнодушными, понимающими».

Но был все-таки и четвертый фактор: «Тбилиси, непринужденно и весело раскинувшийся у подножия большой горы, по которой двигались казавшиеся издали игрушечными вагончики фуникулера, покорила навсегда... Все, что я нашел в Тбилиси, было для меня просто кладом». И этим кладом Лемешев воспользовался сполна.

ЭПИЗОДЫ ГРУЗИНСКОГО ДЕТСТВА

■ Ксения ЛОМИАШВИЛИ (ПЫШКИНА)

Вспоминаю молодость... Как стремилась к искусству. Несмотря на скромные средства, умудрялась ходить в театр, даже будучи гимназисткой. Приехала Яблочкина на несколько дней – я бегу на «Марию Стюарт». Сумбатов-Южин – только два вечера. «Кин» – иду! А уже после окончания гимназии все концерты Плевицкой, Кавецкой, а после 17-го года – и Горовиц, и Петри. Все концерты – ни одного не упустила. А с 1915 года эстрада меня захватила целиком. И целое лето 1916 года – Вертинский, каждый день Артистическое общество.

И часть последующих лет тоже, как в 1910 году, ежедневно на скейтинг-ринг по 2-3 часа на колесных коньках. Мама даже специально сшила мне синюю безрукавку в складку и белую блузку. Но своих коньков не было, я брала в клубе напрокат, 15 коп. за 2 часа. Каталась очень хорошо, но одна. Парой стеснялась, т.к. была очень застенчива. Как и в танцах. В 1912 году я заметила, что по окончании занятий в 1.45 за мной следом идет реалист, который так и провожает меня домой, идя по другой стороне улицы. Проводит до дому и ждет, пока зайду... Это зимой. А летом стал ходить и под окнами... Весной же учившаяся со мной в одном классе княжна Мария Сумбатова, у которой брат был в реальном училище, на гастролях Сумбатова-Южина (их родственника) познакомила меня со своим родственником Юрой Коваленским, тем самым молчаливым поклонником. И первое, что он сделал, – принес мне «Белый клык» Джека Лондона, а потом ноты романсов Чайковского – «Растворил я окно...» и еще какой-то, чтобы я разучила аккомпанемент. Оказалось, что он поет. И потом я сама его услышала, когда на Рождество он познакомил меня со своей сестрой Таней и братом Димой – студентом Коммерческого института, который приехал из Москвы как раз на Рождество. Меня пригласили на елку. У них был только отец, матери не было. Сестра гимназистка, моя ровесница. Я была очень несчастна, т.к. у меня не было платья, и я пошла в форме. Форма была коричневая, шерстяная, с черным фартуком, но сшита щеголевато: с пелеринкой. Две косы на прямой пробор. И, конечно, красота изумительная. Оказалась лучше всех разряженных.

Жили они роскошно. Комнат было шесть или семь. Обстановка чудесная. Елка великолепная. И я сразу сообщила, что уж к себе я его никогда не приглашу. Самое большее – подпущу к окну и так буду разговаривать. Но к нам – никогда! Он был очень милый, воспитанный, начитанный юноша. И внешность приятная, глаза синие с черными пу-

шистыми ресницами. Маме он очень понравился, когда подошел к ней в Кружке. Кружок – это нечто вроде клуба, собрания, где собиралась интеллигенция. Гуляли, бывали спектакли, очень приличная обстановка, давали концерты, были танцы, был буфет. Ресторан. Посещали и семьями.

В это лето мне сшили платье фулярное, и я так была счастлива, что все время улыбалась... Это заметили все знакомые и даже говорили об этом маме. Платье было синее с серым. И кайма с красным. Сшито было вроде матроски (блуза на выпуск). Впоследствии, когда уже окончила гимназию, из блузки и юбки сделала блузку, добавив вошедшую в моду вставку из полосатого крепа. Очень было красиво, особенно с синей юбкой, что мне сшили по окончании гимназии. Купили еще корсет и белый шелковый зонтик с розовой каймой. В том году в моду вошли зонтики особой формы – очень глубокие. А из чесучи еще – голубое манто. Словом, мама меня экипировала с ног до головы. А главное – лаковые туфли с серой замшей и блестящей пряжкой. Во всем этом я была очаровательна. Но надо сказать, что при наших скудных средствах это все было сделать очень трудно, хотя цены были такие: туфли – 6 рублей, корсет – 4 рубля, зонтик – 7 рублей. А блузка из платья моего, которое проносила два сезона, манто – из маминого. Но все с большим вкусом. А еще чулки фильдеперсовые серые – 90 копеек или 1.20. Да, еще сумочка в виде портфеля, небольшая.

Юра, окончив училище, еще 2 года приезжал из Москвы, где поступил в Коммерческий институт. И всегда стремился встретить и высказать свою верность. Потом его отец оказался замешан в каком-то громком скандальном процессе, и я его потеряла из виду. А возможно, что и он сам старался избежать меня, стыдясь скандала. Процесс был об интендантских махинациях, но очень крупных, скандал на всю Россию.

В 1915 г. у меня уже появились женихи, но я еще была совсем ребенок и не думала о замужестве. Поступила на службу. И первую получку целиком потратила на подарок маме. Купила ей ширму, гнутую, венскую. Это было лучшее, что могла сделать из первой получки. Ширма была деревянная, черная, а обтянули ее сатином либерти цвета терракот. Исключительно красиво. Мама была очень тронута. Я и впредь всегда из получки обязательно что-нибудь покупала для дома полезное и таким образом обновляла дом. А первые наградные – в то время к Пасхе и Рождеству выдавали двухмесячную получку – я потратила на покупку постельного и столового белья, очень хорошего. Белье покупала самое лучшее, льняное с филе у Альшванга. В революцию все ушло на рынок – зато спасло жизнь! Мама была счастлива и сейчас же принялась делать метки по канве на наволочках, простынях и полотенцах. Букву L белым крестом и обводила красной ниткой.

Потом я очень любила краси-

вые фарфоровые фигурки. А это был сидящий слон датского фарфора величиной сантиметров 40. Потом лежащий лев – 30 см. А потом ваза в виде корзинки (бисквит) с облоковитившимся на нее амуром. Я была очень хозяйственной и любила только отличные вещи, что было очень трудно, т.к. мы уже жили без бабушки и дяди, и бюджет был весьма скромный. Что касается одежды, то в 1915 году, когда я ездила в Петроград к раненому отцу, то он меня одел с ног до головы: меховую пелерину с муфтой (190 руб.), черное шелковое платье с собольим воротничком (70 руб.), заказал у придворного портного синий плюшевый костюм (300 руб.), ботинки высокие (30 руб.), халат серый суконный (40 руб.), пальто вязаное шерстяное белое (40 руб.). А я купила еще шляпу за 70 руб. – чудо, шик, красота! Папа подарил золотые часы-браслет, медальон и сумочку серебряную на вздержке (тогда такие только стали выпускать – во время войны, но ничего похожего на то, что я подарила Маше, стандарт, а у нее Фаберже!). Так я стала модницей. А еще раньше мама купила мне зимнее пальто за 160 руб. (синий бобрин в рубчик, воротник скунс).

И когда я надевала синий костюм с меховой пелериной и парижской шляпой – лучше одетой и красивее не было в городе. Но ничто не вечно под луной. Время течет, и все проходит. И вот мне 82, я инвалид...

Пишу бестолково. А надо записывать то, что неизвестно:

обычай, образ жизни, быт. Вечера вспоминала, как справляли праздники, как проводили дни.

Рождество. На Рождество готовили все постное, из сладкого только кутья пшеничная и взвар. Кутья из пшеницы с миндалем, мелко нарезанным, и изюмом, с медом, разведенным водой. Взвар – компот из сухофруктов. До вечерней звезды не ели – грех. Готовили обязательно жареную рыбу, пирожки с капустой тушеной, с грибами, рисом и яйцами, были рыба копченая (балык, теша, севрюга), икра. Очень много покупали миндальных орешков, фундук, фисташки, грецкие орехи, инжир, финики, пряники всех сортов, халву, рахат-лукум, малагу (крупный черный сушеный виноград целыми гроздьями из Испании, на каждой веточке красный шелковый бантик), халва одесская в деревянной круглой коробке, рахат-лукум из Персии в фирменной упаковке, финики из Египта в розовой или голубой коробочке, в гофрированной бумаге с рисунком и веточка внутри, апельсины из Мессины (Италия), корольки из Яффы – огромные, как наши южные дыньки. И обязательно варили глинтвейн и наливку (вишневку). Приходили славить Христа. Это группа молодых людей со звездой, сделанной из объемной формы звезды, обтянутой бычьим пузырем. Внутри горящая свеча. Они пели хвалебные песнопения и часто надевали вывернутые наизнанку полушубки. Их одаривали сладостями, пряниками, конфетами, орехами. Иногда давали деньги. У нас больше ничем, а у других и вином. Накрывали стол иначе, чем на Пасху. Только к вечеру некоторые в память о Христе на стол клали сено. У нас же скатерть и накрывали на один день. Ставили блюдо с жареной рыбой (сазан), салатник с заливным и все сорта пирожков и икру в соответствующей икорнице. Только зернистую и паюсную. Красной не подавали. Всевозможные анчоусы, шпроты, расстегаи с вязигой (пирожки с рисом и рыбьим хрящом). Иногда целые стерляди, которые привозили с Волги. Словом, теперь даже в голове не умещается все то, что было в изобилии.

Пасха. К Пасхе готовились

загодя. Так, муку покупали в определенном месте. Мешок весил 16 кг. Это была норма на все виды печенья – 1 пуд. Муку держали на печке, дабы оставалась сухой. Яиц покупали 200-250 штук. Индейку за 2 недели. Ее подвешивали и кормили клецками из грецких орехов, мясо получалось сочное, розовое, кожа нежная, хрустящая. Барашка, поросенка, окорок тоже заранее, дня за 3-4. В четверг на Страстной неделе пекли бабы. Это очень нежное, буквально кружевное пористое тесто наподобие кулича. Чем тесто лучше, тем баба выше – до 50-60 см. Но у нас обыкновенно пекли только куличи. А бабы пекла бабушкина знакомая Настасья Григорьевна Рыхлевская.

Условие без прежней договоренности было такое: покупали пуд муки, 120 яиц, 5 ф. масла, 5 ф. песку – пекла она, но замешивать нанимали солдата из казармы. Он приходил, его заставляли мыться до пояса и голову тоже, давали свою чистую рубаху, свое полотенце, и он приступал к вымешиванию теста. Бабуся и Настасья Григорьевна, стоящие рядом, сами вытирали с него пот, который стекал потоками. А он бил тесто часа два, рубаху тоже меняли на сухую, иногда два раза. И когда тесто отходило от дешки (емкость в виде полубочки специально для замешивания теста) и рук совсем легко, ему вручали 1 рубль и отпускали. А тесто клали в формы и ставили на печь, чтобы подходило. Тут даже в соседней комнате нельзя ходить – тесто может осесть. А часа через 3-4 тесто несут, вернее, формы в пекарню, т.к. русской печи у нас не было. В пекарне формы в печи, хозяйка рядом томится на лавке. А через два часа все выпекается/готово.

И все это с таким волнением и переживанием, что теперь это невозможно при нашей замороченной и нервной жизни представить. Тесто было легкое, и 7-8 форм приносили домой, клали на кровать скатерть и выкладывали из форм чудо кулинарии. И уложив на скатерть, перекатывали каждые полчаса, дабы не осели на один бок. Формы были обильно смазаны маслом и посыпаны толчеными сухарями, запекали их плотными. А нежное

тесто, остывая, могло изменить форму. Эти бабы пекла Настасья Григорьевна, и их делили пополам. Бабушка хотела чуда, а за чудо надо было платить.

Куличи же пекла сама бабуся. Тоже изумительно. Но тесто тяжелее и ниже – 20-25 см. И с изюмом. С куличом ели все блюда вместо хлеба, и я больше любила кулич, чем бабу. Творожную пасху бабуся тоже кому-то поручала делать. У нас даже формы не было. А может, заказывала ее в ресторане? Не помню, но успехом на Кавказе это изделие никогда не пользовалось. Пекли у нас еще торты: ореховый, лимонный и несколько мазурок. Вообще стол обошелся 50 руб., что по тем временам очень дорого, но это и с напитками.

Под Пасху, в пятницу, прикладывались к плащанице. Это в 4 часа дня. В четверг ходили слушать Двенадцать Евангелий. В субботу Страстную ходили к 12 часам освящать куличи, а перед Страстной неделей, в Вербное воскресенье, тоже ходили в церковь. И с вербой, и с зажженными свечами возвращались домой. И с куличами тоже возвращались с зажженными свечами. Но у нас этого не было. Куличи у нас не святили. С вербой я ходила лет до 13-14, а потом не ходила. Обрядов тоже никто не соблюдал. И причастие у нас тоже не соблюдалось. Мама с 1911 года и бабушка, кроме Дидубэ, никаких церквей не посещали. В Дидубэ же находилась икона, считавшаяся чудотворной. А церковь была открыта только по понедельникам. С тех пор, как я встала на ножки, ни одного понедельника до мая 1921 года она не пропустила. Мама пожертвовала брошь и браслет. И эти украшения я лет 10 видела висящими на иконе. После 1921-го все исчезло...

Другие праздники. У нас справляли только день Ангела. Мой – 24 января, мамы – 11 июля, Бабуся – 5 мая, дяди – 11 ноября, папы – 29 июля (все даты приведены по ст. стилю. – М.М.). В этот день днем – шоколад с бисквитом. Варили много: кто придет – чашечка шоколада с бисквитом. Но иногда и крендель к чаю. К обеду пирог обязательно. А то и два пирога к

обязательному бульону. Часто к чаю вечернему еще пирог из яблок или с вишнями. Еще и хворост все очень любили. Мне уже после окончания гимназии часто присылали корзины цветов. Но специально никому приглашений не делали. Проводили день с семьей и очень близкими. Дней рождения не отмечали – раньше это у нас не было принято.

Отмечали масленицу. Целую неделю каждый день блины. Причем очень хорошие, часто из гречневой муки, заварные. К ним подавали масло, сметану, все виды копченой и соленой рыбы, икру. Делали очень хороший стол. Но с визитами на Новый год и на Пасху ходили только мужчины. Женщины в эти дни совсем не выходили из дому, т.к. было много пьяных. Считалось неприличным. Мужчины же обязательно заезжали поздравить или оставляли визитную карточку. На Новый год никаких открыток знакомым, только близкая родня. На Пасху открытки посылали с пасхальным текстом. Выпускали открытки чудные с кошечками, поросятами и т.п., одетыми в человеческую одежду.

На Пасху христосовались почти все. Но у нас это почти не соблюдалось. Зато яиц красили много. И расписывали, и покупали фарфоровые, стеклянные. Были и статуэтки-безделушки с включенными в композицию фарфоровыми или бисквитными яйцами. Художников, использующих этот элемент, было много, фантазия была богатой. И интеллигенция, даже небогатая, слишком уж в средствах не была стеснена. У меня бывали подарки: фарфоровое яйцо с продернутой шелковой лентой и бантом для подвески. Можно было повесить у иконы в углу, т.к. в каждом православном доме обязательно была икона. Это так же было обязательным, как и ношение крестика или иконки на шее.

Евреи обязательно носили только скрижали с 10 заповедями. Все мои подруги в гимназии носили их – золотые на цепочке. Ведь и Закон Божий был предметом обязательным. У нас был православный поп, у армян григорианской веры, остальные в этот час имели свободный урок раз в неделю. А национальные языки два раза в неделю. Опять-таки грузинский и армянский, других не было. Так же, как и для всех, два раза в неделю французский и немецкий. Только немецкий язык соблюдал готический шрифт. Я от грузинского получила освобождение, о чем потом очень жалела, т.к. после революции, когда все перешли на грузинский, мне надо было уже самой изучать письменность, что было нетрудно, но не очень хорошо усваивалось, быстро забывалось.

В 1915 г. летом маме взбрело в голову перевести брата в Кадетский корпус, а он уже учился в 4-ой тифлисской гимназии. Учился плохо, мама брала репетитора. А тут стало известно, что приедет Великий князь Константин Константинович – начальник всех военных учебных заведений, известный как поэт и выпустивший пьесу «Царь Иудейский». Теперь уж не помню, почему у нас оказалась эта книга. Помню, что была там иллюстрация этой постановки. Словом, мама написала прошение, а я сама решила подать. Вообще попасть было трудно, но как раз в это время в Москве был помощником у нашего Кавказского наместника некто генерал Николай Николаевич Янушкевич. А его брат гражданский инженер Владимир Николаевич приехал в Тифлис из Москвы и ухаживал за мной. Вот я и использовала это знакомство. Словом, мне назначили время приема, и я пошла. Сначала волновалась и боялась, но войдя, успокоилась, т.к., когда вошла, то сидящий за столом встал, и я подошла и протянула прошение. Он предложил сесть, что

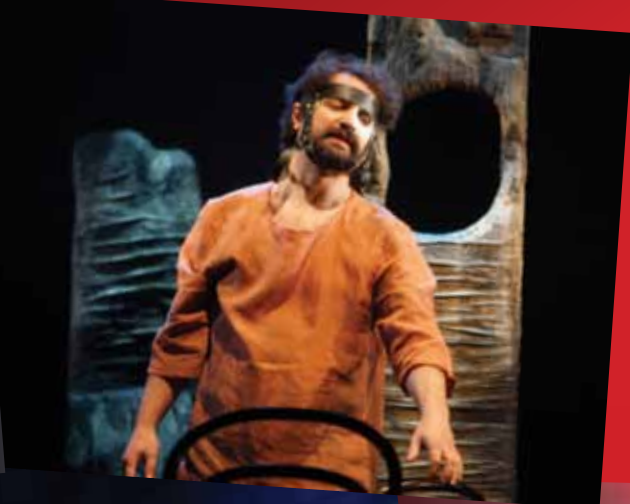
меня страшно смутило. Он взял, прочел, задал 2-3 вопроса и сказал: – Примем в Орловский кадетский корпус, – на что я ответила: «Мы с мамой не хотели бы с ним расставаться. Примите, пожалуйста, в Тифлисский». Он снова перечитал прошение и сказал: «Тут нет вакансии, все переполнено. Потом снова переведем, когда станет возможным». Я встала и, сделав реверанс, удалилась. Дома мама подробно все расспросила, и я рассказала, что К.Р. очень высокий, с большой проседью, с бородкой, взгляд сухой, стеклянный. Смотрит, словно через тебя, и, насколько мне показалось, то, спроси его

после моего ухода: «Кто был?» – он бы не сумел даже ответить – женщина или мужчина. Но через 2 года произошла революция – и даже лучше, что брат не попал в корпус, хотя наступило время переоценки ценностей. И трудно не только определить, что было бы лучше, но и теперь не знаешь, что лучше. Надо быть фаталистом. В этом всегда утешение. Это «лучше» никогда неизвестно. Уж кажется, что было лучше революции 17 года? А и по сегодня все кипит и бурлит, и кровь где-то льется... Вот ведь всегда думаешь «лучше» было бы, а проходит время, и уже это «лучше» не кажется таким безоговорочно «лучшим». Так что надо смириться и сказать себе – «лучшее» впереди, но это не мне в 82 года. Для меня «лучше» в данный момент, безусловно, умереть. Ибо если до сих пор было скверно, то почему будет лучше впредь?

Олег Мчедlishvili в ролях

ВДОХНОВЕННАЯ РАБОТА

Как говорил Бернард Шоу, хорош только тот экспромт, который очень хорошо подготовлен. Именно это определение как нельзя лучше подходит к актерской природе Олега Мчедlishvili. Он большой мастер импровизировать на сцене, а ведь на такое не каждый артист решится, да не каждый и способен, по правде говоря. Олег полшутя признается, что, например, в спектакле «Приключения Карлсона» «говорит на сцене все, кроме того, что написано в пьесе». Но при этом каждая его импровизация органична, гармонирует с создаваемым образом и отвечает режиссерскому замыслу. А уж в сочетании со сценическим обаянием и, само собой, исключительным профессионализмом делает Олега Мчедlishvili одним из самых востребованных актеров в Грибоедовском.

Он пришел в театр имени Грибоедова, имея не только актерское образование, но и солидный опыт работы на сцене, в Тбилисском театре юного зрителя. И сразу вышел на сцену в спектакле «Достоевский. ru» (а это, кстати, любимый писатель Олега). Сегодня за его плечами разноплановые, интересно сыгранные роли в таких спектаклях, как «Вишневый сад» А. Чехова, «Нахлебник» И. Тургенева, «Гроза» и «Поздняя любовь» А. Островского, «Женитьба» и «Ревизор» Н. Гоголя, «Холстомер. История лошади» Л. Толстого...

За каждой ролью, казалось бы, сыгранной на одном дыхании (очень легко!) стоит невидимый зрителю кропотливый труд профессионала. Кое-какие свои «секреты» Олег не скрывает: «Я всегда придумываю внутреннюю историю персонажа. Мне очень важна мотивация моего героя. Кроме того, всегда нужно чувствовать связь с высоким, вечным... Этому я учился у актеров старшего поколения».

А если добавить, что Олег поначалу получал

образование в политехническом институте (то есть не чистой воды гуманитарий, все-таки – с «примесью») и к тому же он – автор замечательных стихотворений и песен, которые исполняет под собственный аккомпанемент на гитаре, то станет совершенно ясно: такой артист, такой глубины и разнообразия творческая личность – товар штучный.

Поздравляем дорогого коллегу и друга с 45-летием! Жизнь в этом возрасте, как известно, только начинается! Здоровья, благоденствия и больших побед!

Евгений Евтушенко

«НАС СВЯЗЫВАЛА МНОГОЛЕТНЯЯ ДРУЖБА»

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

18 июля поэту-шестидесятнику Евгению Евтушенко исполнилось бы 85. До своего юбилея он не дожидился всего несколько месяцев. Международный культурно-просветительский союз «Русский клуб» приурочил к этой дате музыкально-поэтический вечер «Благодарю вас навсегда», а также книгу из серии «Русские в Грузии» – «След любви. Евгений Евтушенко».

Со многими деятелями культуры Грузии Евгения Евтушенко связывали дружеские отношения. В последние годы поэт редко с ними встречался, но чувства любви и признательности оставались неподвластны времени. Предлагаем вниманию читателей «РК» воспоминания тех, кому всегда было дорого это имя – Евгений Александрович Евтушенко.

Поэт Джансуг Чарквиани:

– Нас связывала многолетняя дружба. У открытого внутренне-го мира Евгения Евтушенко есть свой космос, что не является недоступным для читателя. Поэта на все времена сегодня кто-то почему-то считает творцом определенного времени – в отличие от «вневременных» Шота Руставели, Галактиона Табидзе, Александра Пушкина, Бориса Пастернака.

К счастью, знаю Евгения Евтушенко как поэта на все времена. Он действительно ясновидящий и предвестник будущего. Он хорошо знает тебя? Значит, он знает твоих предков и потомков. Хочу вспомнить один маленький отрывок из письма Евгения Евтушенко, которое он написал мне более тридцати лет тому назад: «Недавно навесил Нодара Думбадзе. Неожиданно в комнату вошла не знакомая мне женщина, ее строгость, суровые черты лица что-то напомнили мне. Спросил, не сестра ли это Джансуга Чарквиани? Да, я оказался прав!»

Разве это не поразительно? Насколько хорошо должен знать тебя человек, чтобы разглядеть твой характер в сестре?

Однажды он позвонил мне из Москвы и пригласил на свой день рождения. Естественно, мы полетели вместе с женой... Подошел к столу и тихо сказал мне: «Через пять минут здесь появится всемирно известный человек!» Естественно, все ждали его, но кто эта всемирно известная личность, никто не знал. Вскоре к столу присоединился Владимир Высоцкий, действительно выдающаяся личность... После нескольких бокалов он сел и начал петь...

Евгений Евтушенко особенно выпил за мое здоровье, процветание Грузии, и я уверен, что он всегда любил нашу страну, как свою вторую родину.

Да, Евгений Евтушенко – всемирно известный человек, это действительно поэт на все времена.

Актриса Софико Чиаурели (1937-2008):

– Грузия всегда была для Евтушенко родной стихией. Достаточно вспомнить его строки: «В Тбилиси есть особенная прелесть, на этот город звезды засмотрелись»...» Влюбленность поэта в Грузию родила влюбленность грузин в него самого. Никогда не забуду один вечер на веранде нашего дома. Мы с Котэ Махарадзе сидели и слушали, как Евтушенко читал стихи из своей последней книги, и время от времени обменивались взглядами. Думали: «Боже, какое счастье, как это прекрасно!» А потом Евтушенко просил, чтобы читали мы с Котэ. И мы шли навстречу его желанию. Читали стихи русских и грузинских поэтов. Я тогда вспомнила рассказ мамы, Верико Анджапаридзе, о военном времени, когда МХАТ был эвакуирован в Тбилиси, и дни и ночи напролет у нас гостили Василий Качалов, Ольга Книппер-Чехова, Иван Москвин. Тогда на столе не было ничего – только вода и хлеб. Но они проводили дивные вечера, читали стихи, монологи из спектаклей. И они так любили друг друга!

Приезд Жени, наши вечера «на хуторе близ Диканьки», продолжили эту традицию любви.

Бережно храню все, что связано с Евгением Евтушенко. Вот приглашенный билет на творческий вечер, который состоялся в театре имени А.С. Грибоедова. На билете написано: «Королеве Грузии Софики Чиаурели от коленапоклоненного сибирского мятежника».

«Дорогая Софики! Это пишет Женя Евтушенко, так однажды добро согретый в вашем доме твоей теплотой и величием и мудрой нежностью батони Котэ. Я запоздало выражаю тебе соболезнование, ибо узнал о его смерти с большим опозданием в США. Буду искренне счастлив, если ты найдешь время прийти в театр завтра в семь часов. Нежно целую кончики ваших пальцев. Евтушенко. Привет от Рамаза Ломинадзе, Юрия Роста, Михаила Мишина и корреспондента «АиФ» И. Образцова» – записка датирована 2003 годом, когда

поэту исполнилось 70 лет.

Женя Евтушенко – своеобразный и единственный в своем роде человек. Во всем – даже в манере одеваться. Он великолепный и вечно молодой поэт.

Евгений Евтушенко побывал на спектакле с моим участием «Отповедь любимому мужчине» Маркеса и был в восторге. После спектакля долго сидел неподвижно, был под впечатлением от увиденного, смотрел на сцену, потом сказал: «Мне не хочется вставать!» Сказал о том, что я большая актриса.

В каждом настоящем творце, личности, таланте живет ребенок, какая-то первозданность, когда человек не теряет способности удивляться, влюбляться. В Евтушенко это есть. Я вижу это по его глазам. Это и делает его тем, что он есть.

Писатель Чабуа Амирэджиби (1921-2013):

– Мало кому довелось жить такой плодотворной жизнью, как Евгению Евтушенко. Бог одарил его многогранным ярким талантом, а главное – всепокоряющей харизмой.

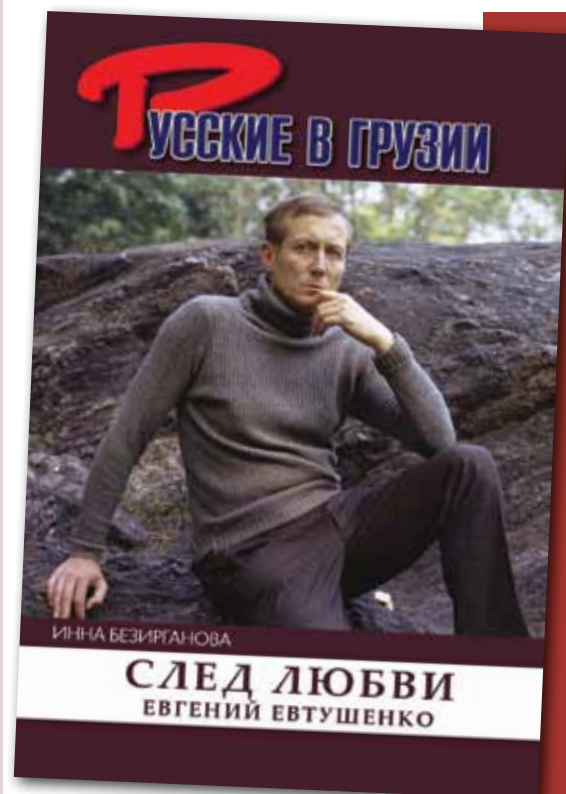
Грузия всегда считала его ближайшим другом как по личностным, человеческим, так и творческим качествам – поэтом, обладающим великим чутьем прекрасного и бессмертного.

Думаю, Евгений Евтушенко не только обладает огромным влиянием на современную русскую поэзию, но и во многом определил ее будущность. Такие люди живут долго и плодотворно, чего я и желаю ему как брату по духу и Великому Гражданину мира Поэзии.

Поэт Реваз Амашукели:

– В первую очередь я считаю его блестящим поэтом. «Казнь Степана Разина» написана резкими, сочными мазками. Редко можно прочитать такое мощное произведение.

Ко всему прочему, Женя хороший друг. Широкий, щедрый хозяин. Может накрыть для гостей шикарный стол. Это вообще свойство его характера – широта,

размах, темперамент. Это проявляется и в его творчестве. Иногда его считают хитрым. Но, моему, он – ребенок, что, конечно, не исключает практичности.

Он всегда весьма экстравагантно одевается. «Не надо быть попугаем!» – говорю ему я. «А что тебе не нравится?» – удивляется Женя. – Хочешь, подарю эту сорочку тебе?» – «А зачем мне это? Я даже на вешалку ее не повешу!» – отвечаю. Я один из немногих, кто может себе позволить такой диалог.

Мы дружим очень давно. Помню, как познакомились. Тогда я учился на втором курсе Тбилисского государственного университета, а Женя уже был человеком известным. Во время встречи с ним, которая состоялась в университете, Симон Чиковани попросил меня выступить, и я прочитал свое стихотворение, посвященное Жене. Сейчас оно мне кажется слишком детским, и я не включил его ни в один свой сборник. Но друзьям нравится это стихотворение...

Раньше он многим был нужен. Но далеко не все тогдашние его грузинские друзья пронесли свою дружбу через всю жизнь, до конца. Я добивался, чтобы Евтушенко стал почетным гражд-

Джумбер Беташвили и Евгений Евтушенко

данином Тбилиси. Но... многие сегодня считают героизмом охаивание русской культуры, на которой выросли.

Женя перевел не много моих стихотворений. Особенно дорожу переводом «Пиросмани». По моему, он очень удачный. Иногда Евтушенко упрекали в том, что его переводы слишком вольные. Но, по моему, от его «отсебятины» только выиграли те поэты, кто об этом говорили.

Женя часто звонил ко мне, обращался с какими-то просьбами. Так, однажды попросил принять американских литераторов Боба Дилана, Джеймса Ригана и Роберта Блая. Конечно, мы проявили к гостям много внимания. Боб Дилан родом из Одессы, там похоронена его бабушка. Он хотел посетить ее могилу, однако Союз писателей СССР отказал в этом Дилану. И мы тайком отправили его в Одессу из Тбилиси.

А однажды к нам обратился по рекомендации Жени заведующий отделом культуры ЦК КПСС Василий Шауро. Изложил суть дела: «Китайские литераторы уже два десятилетия не подписывают договор с Союзом писателей СССР. Вся надежда на вас! Вас рекомендовал мне Евтушенко!» Тогда я был секретарем Союза писателей Грузии...

Женя приехал в Тбилиси вместе с китайцами. Отправились в Кахети. Устроили застолье, за которым тамадой был один из китайских гостей. В итоге договор был подписан – в Кахети.

Как-то Евтушенко пригласил меня с женой и по этому Андреем Дементьевым в Абхазию, на свою дачу. Поэт настаивал, что недалеко от дома он обнаружил гейзер. И буквально заставил туда пойти. Все искупались в гейзере. А я сказал: «У всех ве-

ликих поэтов звезды, а у тебя – гейзер!» Женя был очень доволен.

Поэт Михаил Квливидзе (1925-2005):

– Я жил в эпоху, когда на арену вышли талантливые молодые поэты – Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина. Нас связывали дружеские отношения, они переводили мои стихи. Я им подсказывал, как это надо делать, готовил подстрочники, – очень грамотные, со многими синонимами, – и они, не владея грузинским языком, хорошо переводили. Евтушенко переводил замечательно, легко, свободно. Особенно удачен перевод моего «Монолог Иуды». Женя – трогательный человек, я любил его. Ранние его стихи мне особенно нравились...

Актер Джемал Сихарулидзе (1941-2008):

– Мы вместе с Евгением Евтушенко проходили кинопробы у Эльдара Рязанова: поэт на роль Сирано де Бержерака, я – на роль Кристиана. Естественно, для поэта, находящегося в зените славы, предложение сняться в кино было полной неожиданностью. Евгений заметно волновался, сказывалось отсутствие опыта, но смотрелся как типаж неплохо. Рязанов был воодушевлен... После проб Евгений выразил надежду, что мы обязательно встретимся на съемочной площадке. И я попросил Евтушенко подарить мне какое-нибудь свое стихотворение. Он пообещал, но я, естественно, не слишком на это надеялся. Однако на следующий день, возвращаясь домой, в Тбилиси, получаю конверт со стихотворением Евтушенко – оно называлось «Благодарность». На листке его автограф: «Дорогому Джемалу Сихарулидзе на память о моей первой в жизни съемке. Сирано де Бержерак. Евтушенко. 26 июня 1969 года».

Рукой поэта в отпечатанный на машинке текст вписаны новые строки. Первоначальный вариант был такой:

«Как получиться в мире так могло,
Забыв про смысл ее первопричинный,
Мужчины стали чем-то вроде баб,
а женщины почти что мужиками».

Со строками, вписанными рукой Евтушенко, стихотворение стало выглядеть так:

«Как получиться в мире так могло?
Забыв про смысл ее первопричинный,
Мы женщину сместили. Мы ее
Унизили до равенства с мужчиной.

Какой занятный общества этап,
коварно подготовленный веками:
мужчины стали чем-то вроде баб,
а женщины почти что мужиками».

А однажды, сравнительно недавно, мы встретились на банкете, и Евтушенко заговорил со мной на грузинском языке. Я бы не сказал, что он владел грузинским, но кое-какие запоминающиеся фразы старался произносить по-грузински. Потом мы, естественно, говорили уже по-русски, и он высоко оценил мою работу в фильме «Кавказский плен-

ник» Сергея Бодрова, считая, что я переиграл даже такого мастера, как Олег Меньшиков. Мне было лестно это слышать...

Поэт Лия Стура:

– Прекрасно отношусь к Евтушенко – это интересный поэт, новатор. Каждому поколению присуще отрицание старого... Любовь к поэзии в 60-е годы была огромной. Залы, где проходили поэтические вечера, набивались до отказа. Это было раздолье для поэзии! С ностальгией вспоминаю эту эпоху, но нужно жить настоящим. «Поэт в России больше, чем поэт», – сказал однажды Евтушенко. Но я с этим не согласна. Поэт должен быть ответственным только перед Богом и перед своим народом. Должен быть христианином. Поэзия выше публицистики. Когда Делакруа писал свои натюрморты, обратившись к геометрическим основам изобразительности, они не уступали своей революционностью тому, что происходило на баррикадах. Поэт – просто поэт. Я не люблю стадионную поэзию. Ошибаются те, кто считают, что Маяковского нужно читать на стадионах. Маяковский – отнюдь не стадионный поэт. Шестидесятники собирали большие аудитории, но и они – настоящие поэты.

Помню вечера поэзии в Ленинграде, посещение спектаклей БДТ в постановке Георгия Товстоногова. К грузинским поэтам – Резо Амашукели, Гиви Гегечкори, Морису Поцхишвили и другим – ленинградцы относились очень тепло. Прошло несколько вечеров грузинской поэзии, с переводами.

Запомнился день рождения Евгения Евтушенко в московском ресторане «Океан». Он умел устраивать такие праздники! Среди гостей были Владимир Высоцкий, Булат Окуджава. Пели цыгане. На столах были деликатесы... Евтушенко все делал с размахом!

Режиссер Теймураз Абашидзе:

– Меня свел с Евтушенко... Артюром Рембо. Это было, кажется, в 1961 году, осенью. Будучи начи-

нающим режиссером, я ставил в Батуми спектакль. Жил в гостинице «Интурист». И однажды приобрел томик стихов французского поэта Артюра Рембо – это было большим везением, в те годы такие издания считались редкостью и достать их было сложно. Книжка лежала на столике прямо у окна, выходящего на мой балкон. Было раннее утро. Вдруг кто-то постучался в мой номер. Открываю – Евгений Евтушенко собственной персоной! Я знал о молодой поэтической бригаде из России, дружившей с нашими поэтами – Отаром и Тамазом Чиладзе, Мухраном Мачавариани, Иосебом Нонешвили, из старшего поколения – Гоглой Леонидзе, другими литераторами и замечательно переводившей их стихи. «Я живу в соседнем номере, – сказал Евгений. – Случайно увидел с балкона ваш сборник стихов Рембо. Подумал: «Наверное, здесь живет интеллигентный человек, нужно познакомиться!» Так состоялось наше знакомство... Евтушенко был очень общительный человек, интересный, харизматичный собеседник. Эта встреча запомнилась мне навсегда.

Актер, министр культуры Абхазской автономной республики Дмитрий Джаиани:

– В фильме «Похороны Сталина», снятом Евгением Евтушенко на основе воспоминаний о собственной юности, есть герой – майор КГБ Джумбер Беташвили: Женя посвятил этот образ своему близкому другу, Джумберу Беташвили. Евтушенко искал актера на эту роль, и режиссер Тенгиз Абуладзе, прочитав сценарий, посоветовал ему пригласить меня.

Женя позвонил мне в Сухуми и предложил принять участие в картине: я был утверждён без всяких проб. Евтушенко устроил меня на своей даче в Переделкино. Я жил там четыре месяца вместе с Женей, пока продолжались съемки. Общался с ним ежедневно. Евтушенко – не только блестящий, большой поэт, но и замечательный человек, щедрый

хозяин. Он мне предоставил в пользование свой «Мерседес», изготовленный по спецзаказу в Швейцарии – с высоким верхом. Кутили, говорили... у меня была интересная роль – единственный положительный образ. Мой герой пытается спасти людей от гибели во время похорон вождя. Евтушенко работал очень профессионально, хорошо объяснял актерам задачу.

На вечере в Тбилиси, посвященном памяти Джумбера Беташвили, мы снова тепло встретились. Вспоминая Карло Каладзе, Нодара Думбадзе, других поэтов и писателей, Евтушенко едва сдерживал слезы. Он очень любил Грузию, Сухуми. Его последняя жена – родом из Агудзеры. Как и женщина, занимавшаяся в его доме хозяйством. Она готовила Евтушенко гоми, сациви, другие грузинские блюда.

Поэт Шота Иаташвили:

– Эти поэты – Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, еще несколько значимых фигур – собирали стадионы, двигали процесс демократизации общества. В этом смысле они как будто были поэтами одного типа. Во всяком случае, их презентация была одинаковой. Но я думаю, поэзия шестидесятников была разной, причем различия между поэтами кардинальные!

Например, у меня больше всего симпатии к Белле Ахмадулиной. Ее поэтический язык, то, что она делала с русским языком, – нечто более глубокое, и это останется в русской поэзии. Все шестидесятники были поэтами-ораторами – как Владимир Маяковский. Правда, в данном случае речь идет уже не о таком сильном образе поэта-трибуна. С другой стороны, образ поэта-трибуна 60-х не такой идеологизированный, более демократичный. Он выражал свои мысли, продвигал общество к свободе. Однако в каких-то основных моментах идеология все-таки проявляла себя. Так что у шестидесятников двойственный образ.

Есть нечто второе, третье,

Евгений Евтушенко в храме Гелати

четвертое... Все это Евтушенко набирает, и вместе получается довольно мощный образ. Поэзия бывает разной... Евтушенко – синтез разных типов поэтов. Но все при этом говорят о феномене Евтушенко, и никто не вникает, сколько в нем процентов Маяковского или кого-нибудь еще. А для читателя интересно то, что он пишет динамично, в его стихах всегда какие-то истории. Привлекает сюжетность его поэзии, когда что-то начинается, развивается и заканчивается. Стихи Евтушенко иногда сродни журналистике, иногда – новеллистике. Этим поэт и отличается. Таким образом он и смог захватить миллионы сердец. Как и Андрей Вознесенский – в чем-то они похожи.

Поэт Мзия Хетагури:

– Мы познакомились еще в 70-е годы, в Дни Маяковского в Грузии. Помню, когда началась перестройка и был принят сухой закон, на традиционных торжествах, посвященных Маяковскому, нельзя было пить, очень боялись подать к столу вино. И застолье было, так сказать, безалкогольное. Все смеялись: грузинское застолье, и без вина? Нонсенс! Евтушенко сочинил двустушие: «Наш банкет без «Хванчкары» – как Тбилиси без Куры!» Джансуг Чарквиани был в гневе: «Пусть меня убьют, но мы достанем вина! Беру это на себя!» А Евтушенко поддержал: «Скажете, что мы это вместе сделали! А ее (он указал на меня!) угостили...».

Мы с Евтушенко и в дальней-

шем поддерживали дружеские отношения. Это редчайший, гостеприимный человек! Когда гость приезжал к нему в Москву, он брал на себя угощение. Был в этом широк. Однажды пригласил меня и Татьяну Брыксину к себе, в московскую квартиру, в которой есть «грузинская» комната – настоящий музей! Чего там только нет – книги, посуда, афиши, роги... Это была маленькая Грузия! Когда он принимал гостей, то обязательно показывал эту комнату. Мы тогда просидели до утра... «Мзия, дорогая, милая! Хочу, чтобы ты проехала по России, по Волге, хочу, чтобы ты поняла, что такое настоящая Россия!» Кстати, я написала стихи, в которых есть такие строки: «Россия, я тоскую по тебе...».

Государственный и общественный деятель Виктория Сирадзе:

– Шестидесятники были самым блестящим поколением, особенно если сравнить его с последующими, когда заявила о себе серость. Они привнесли совершенно новые настроения, новый взгляд на жизнь. Шестидесятники разбередили душу нашего поколения, ведь мы были современниками. Их появление, конечно, было не случайным, ведь литература – это отражение жизни.

Мне очень нравились стихи Евгения Евтушенко, я с удовольствием слушала его выступления на научных симпозиумах, которые сопровождали все наши литературные праздники. Как и дру-

гими шестидесятниками, им двигала идея, он был романтиком, верил, стремился, жил иллюзиями, надеждами. И это увлекало современников. Знаете, как мы общались? Женя Евтушенко мог меня увидеть в Москве или в Тбилиси и закричать на всю улицу: «Вика!» Каждая наша встреча была связана с какими-нибудь интересными, большими литературными событиями, праздниками, проходившими у нас – это были юбилеи Шота Руставели, Николоза Бараташвили, Галактиона Табидзе, Владимира Маяковского, Горького. Шестидесятники любили грузинскую культуру, великолепно ее знали. Любовь к Грузии была искренней, сильной, глубокой. К примеру, Галактиона Табидзе было очень трудно переводить, но Белла Ахмадулина творила в своих переводах чудеса! То же могу сказать и о переводах Евгения Евтушенко. На любовь, которой шестидесятников окружали в Грузии, они платили той же любовью. Все чувства были очень искренни, что отражалось в творчестве этих талантливых поэтов. И это было очень дорого. Была взаимная радость, заинтересованность в творческих успехах друг друга. Ни одно явление творческой жизни Грузии не оставалось без внимания поэтов-шестидесятников – и наоборот.

В 60-е годы прошлого века я занимала ответственную должность. С гордостью могу сказать, что впервые именно в Грузии огромными тиражами были изданы наиболее полные поэтические сборники Беллы Ахмадулиной и Евгения Евтушенко. Кстати, с бумагой были тогда серьезные проблемы. У нас была возможность издать только ограниченное количество наименований книг. Грузия жила очень богатой духовной жизнью, что, конечно, должно было отражаться в изданиях. Но мы жертвовали всем, чтобы поддержать талантливую поэтическую молодежь из России, которая, конечно, стояла того...

На встрече с актерами театра им. А. С. Грибоедова

В гостях у юных зрителей

■ Медея ЛОМИЯ

15 июня 2017 года, в последний день учебного года, ученики Грузино-Американской школы принимали у себя в школе артистов государственного русского драматического театра им. А. С. Грибоедова.

В этой школе дети изучают русский язык с первого класса. Заслуга педагогов в том, что дети знакомятся с русской литературой, ставят спектакли по знакомым произведениям, интересуются театральными постановками на русском языке.

Дети посетили спектакль «Приключения в стране чудес», поставленный молодым талантливым режиссером В. Николава, который очень понравился и детям, и родителям, и учителям.

Юные зрители изъявили желание познакомиться поближе с артистами, занятыми в спектакле и пригласили их в свою школу, в гости. Грибоедовцы с удовольствием приняли приглашение. И приятная, веселая, непринужденная встреча состоялась. Дети задавали гостям интересующие их вопросы: «Как стать артистом?», «Тяжело ли быть артистом?», и много по-детски наивных вопросов. Сами выступили перед гостями со

сценкой из басни Крылова «Стрекоза и муравей». Также сыграли эпизод из спектакля «Масленица» и спели песенку про валенки и песни, посвященные масленице.

Гости и хозяева выразили надежду, что эта встреча станет началом большой дружбы между Грузино-Американской школой и театром.

Грузинская делегация в Санкт-Петербурге и пригородах

ЗДРАВСТВУЙ, РОССИЯ!

■ **Нина ШАДУРИ**

Можно провести сотню конференций (никто не спорит, конференция, а то и форум – дело немаловажное) на тему о необходимости популяризации русской культуры, создания позитивного образа России, о важности народной дипломатии, дружеских связей между представителями стран ближнего и дальнего зарубежья. И все же вся эта сотня не идет в сравнение с одной (даже всего лишь одной!) поездкой соотечественников, особенно – юных, в Россию.

Живое, непосредственное общение со своими сверстниками из разных стран на русской земле, возможность лицезреть воочию уникальные памятники культуры, до того виданные лишь на страницах книг да на экране, дает молниеносный, почти сногшибательный результат – это дружба навсегда, это любовь навек. Ну, а как же иначе? «Любовью за любовь вознагражу я», как сказал классик четыре века тому назад. Действительно, созерцать виртуальный образ страны – это, знаете ли, одно дело, а вот почувствовать тепло протянутой руки, протянутой тебе, лично, – совсем другое.

Именно такое простое чудо и свершилось благодаря учебно-образовательной программе Россотрудничества «Здравствуй, Россия!» – девять учащих школ и колледжей Грузии, представителей объединений, входящих в Координационный совет организаций российских соотечественни-

ков Грузии (КСОРСГ) и отличившихся достижениями в учебе и успешным участием в тематических конкурсах и олимпиадах, получили подарок – поездку в Санкт-Петербург.

Увиденное и прочувствованное за семь дней пребывания в северной столице России с 13 по 19 августа не вместит ни одно описание, ни один фотоаппарат, ни одна видеосъемка. Всего было не просто много, а очень много: новые впечатления – новые знакомства, новые друзья, картинки, запахи, звуки.

Судите сами.

В Петергофе ребята не только осмотрели Нижний парк в сопровождении экскурсовода, но и, чего уж тут скрывать, устроили себе самостоятельную экскурсию по аллеям легендарного заповедника – слишком уж велика эта красота, чтобы не попытаться насладиться ею: просто погулять, посмотреть, подышать и – запомнить.

А вот в Эрмитаже наши участники прилежно следовали за гидом – полотнами Рембрандта и Веласкеса можно, конечно, любоваться и самому, но послушать комментариев профессионала (а нам с гидом повезло) всегда интересно.

В здание Двенадцати коллегий Санкт-Петербургского университета ребята заходили спокойно, а после прогулки по зданию, его внутреннему двору и лекции (да какая там лекция – это был замечательный живой рассказ об исто-

рии университета) вышли с волнением. Так или иначе, но несколько человек заявили с определенностью: «Теперь я знаю, где хочу учиться!».

В парке Ораниенбаум организаторы устроили для всех участников (а это более 300 человек из 21-й страны) игру-квест. Каждая команда состояла из представителей трех-четырех разных стран, и это, понятное дело, сблизило ребят еще больше.

Разные страны – разные религии, а значит – разные храмы. В один из дней участники посетили православный Казанский собор, а потом перешли на другую сторону Невского проспекта и вошли в один из старейших католических храмов России – базилику святой Екатерины Александрийской. Хотя, справедливости ради, надо сказать, что ни одного жителя Грузии таким соседством не удивишь: в Тбилиси на одном пяточке мирно соседствуют друг с другом православный храм, католический костел, армянская церковь и еврейская синагога.

Особым стал день посещения Монумента героическим защитникам Ленинграда на площади Победы. Тут был рассказ о 900 днях блокады Ленинграда, минута молчания, уникальная экспозиция, просмотр документального фильма, который вызывал сердечное волнение. Поэтому и цветы к скорбному монументу ребята возлагали осознанно, с болью в душе.

Какой молодежный проект может состояться без церемонии открытия и закрытия? Да никакой! Молодые люди, как говорится, зажигали, а взрослые сопровождающие поневоле помолодели лет на ...дцать! И, конечно, выше всяких похвал – программа «Визитная карточка», в которой каждая делегация представила свою страну на собственный лад: участники и рассказывали, и пели, и танцевали, и шутили, и показывали видео-

и слайдшоу. Участники из Грузии решили не мудрить и просто спели – с первых нот узнаваемые «Тбилисо» и «Сулико». И не ошиблись – получили не только заслуженные аплодисменты, но и грамоты, и памятные сувениры.

А самый главный «сувенир», который мы увезли из Санкт-Петербурга – наши новые друзья. Расставаться было тяжело – ребята не могли унять слез. Вы думаете, это художественное преувеличение? Нет-нет, слезы были самыми настоящими чувства, а значит – дружба надолго. Может быть, навсегда. И потому, что нас сейчас переполняют именно такие чувства, просто нет желания вспоминать о каких-то организационных недочетах – как говорится, не время и не место.

Спасибо всем инициаторам и организаторам поездки, сопровождающим в Санкт-Петербурге! Спасибо нашим участникам из Тбилиси, Батуми, Поти, Кутаиси, Марнеули и Рустави за талант, фантазию, отзывчивость, желание и умение дружить!

Знаете, я понятия не имею, как будут складываться отношения между нашими странами. Но то, что отношения между юношами и девушками России, Грузии, Израиля, Украины, Латвии, Литвы, Беларуси, Бельгии (и далее, и далее), которые встретились в Санкт-Петербурге в августе 2017-го, будут просто замечательными – факт. И его уже не опровергнешь.

На мой взгляд, это и есть главный итог поездки.

ОТМЕЧЕННЫЕ БОГОМ

■ Теймураз АБАШИДЗЕ

Одному из лучших грузинских режиссеров, педагогов, заслуженному деятелю искусств Грузии и Аджарии, профессору Теймуразу Абашидзе, в творческом багаже

которого множество интересных, ярких спектаклей разных жанров, поставленных не только в Грузии, но и на многих сценах бывшего Союза и за рубежом, исполнилось 80 лет. Он выпустил целый ряд изданий о театральном искусстве – его теории и истории. Теймураз Абашидзе – один из авторов журнала «Русский клуб». Предлагаем вниманию читателей его материал, посвященный выдающимся грузинским артистам.

В быту понятия «талантливый», «способный» и «профессионал», «профессиональный» часто путают, используют одно вместо другого. «Способные» и «талантливые» чувствуют себя в театре гораздо комфортнее «профессионалов». А вот «талантливый профессионал» – явление достаточно редкое, однако именно их наличие в составе труппы определяет ее уровень, возможности, класс. Но бывают особые случаи, которые «вырываются» за рамки – это «актеры-феномены», особо одаренные люди, каким был Акакий Хорава.

Акакий Хорава (1895-1972 гг.) – особенный, неповторимый экземпляр «рода человеческого». И эта «необыкновенность» бросалась в глаза изначально, сразу: при его появлении все будто бы «уменьшались» в размерах. На первом курсе я был у него помрежем на спектакле «Анжелло» Виктора

Акакий Хорава

Гюго, который он ставил в своей абхазской группе, набранной специально для Сухумского театра; в этой группе учились замечательные ребята, красивые, рослые – Нурбей Камкия, Чинчор Чжения, Амиран Тания и другие. Но и они «уменьшались», когда он поднимался на институтскую сцену, чтобы что-то показать или объяснить. «Посмотри, Чинчор, это же так просто...», – говорил он, что-нибудь показывая. Однажды Чинчор не выдержал. «Это не просто, Акакий Алексеевич... делать, как Вы делаете, совсем не просто», – сказал он ему. Правильно сказал. Точно. Делать все «просто и естественно», оставаясь при этом таким же значительным, впечатляющим, «титаничным» мог только он, только Хорава.

Во время последней Декады грузинского искусства в Москве царя Эдипа играли четыре исполнителя: Хорава, Серго Закариадзе, Акакий Васадзе и Эроси Манджгаладзе, а мы, студенты театрального, работали в массовых сценах и участвовали в том дневном спектакле, который, по просьбе ВТО, был сыгран специально для московских коллег и театроведов. Все российские суперзвезды во главе с председателем Театрального общества России, Народным артистом СССР, директором и худруком Малого театра Михаилом Царевым пришли на этот спектакль. Такого триумфа, такого восторга и благодарности, какие выпали на долю Акакия Алексеевича в тот день, я больше никогда не видел в драматическом театре. «Большое созвездие» России, поднявшись с мест, стоя, без конца аплодировало великому исполнению, великой роли, великому артисту. Точно такой же триумф через несколько дней выпал и на долю постановщика и исполнителя балета «Отелло» – Вахтанга Чабукиани в Большом театре Союза ССР.

В молодости Хорава любил застолье. Войдя в возраст, иногда «ностальгировал» по этому поводу и изредка, посадив в свою коричневую «Победу» хорошо поющих грузинские песни Эроси Манджгладзе, Рамаза Чхиквадзе, Карло Саканделидзе, отправлялся кутить на природе. Он замечательно пел, замечательно. Мне пришлось несколько раз аккомпанировать ему во время репетиции (Хорава пел «Соловушку» в спектакле Михаила Туманишвили «Иркутская история», где исполнял роль «шефа» экскаваторщиков по фамилии Сердюк. Это была небольшая роль руководителя бригады, состоящей из Эроси, Рамаза, Гурама Сагарадзе, Бадри Кобахидзе, они и были его «бригадой»!). Сам спектакль получился так себе, но Хорава я помню. Десятки лет прошли, а помню так же, как не забываю его в последней роли, которую он исполнил в пьесе Эбралидзе «Современная трагедия», – профессора Мора; помню, перед глазами стоит: огромный, с гривой седых волос, с поднятым воротом и палкой-тростью на сгибе руки.

Большой актер. Неповторимый. К сожалению, я не видел его в самых звездных ролях – Карла Мора в «Разбойниках» Шиллера, Берсенева в «Разломе», Анзора, в которых он буквально ошеломил москвичей во время первой Декады грузинского искусства, но то, что я успел посмотреть – Отелло, Эдип, Борис Годунов, осталось со мной навсегда. Таким был Акакий Хорава – большой драматический артист большого грузинского драматического театра. А рядом другой великий Акакий – Васадзе.

Акакий Васадзе (1899-1978 гг.) – артист невероятного масштаба и разнообразия, педагог, режиссер, для которого театр, репетиция, роль были и целью, и смыслом; таким необыкновенным, жесточайшим отношением к себе он создавал в любом спектакле или на репетиции какую-то особую творческую «ауру», которая расширяла возможности каждого. Играть рядом с ним, играть вместе с ним всегда было и приятно, и заразительно, и очень полезно. Как творческие «единицы» Хорава и Васадзе в театре Руставели были ничуть не менее ценны и значимы, чем режиссер Сандро Ахметели. Поэтому, на мой взгляд, их удаление из труппы в результате общеизвестного конфликта нанесло удар труппе: театр понес невосполнимые потери из-за того, что не был найден достойный компромисс, который обязан был организовать руководитель театра. А руководителем был Ахметели.

Акакий Васадзе – образец профессионализма и творческой дисциплины, постоянной устремленности к самосовершенствованию, неугомонный защитник и пример бескомпромиссной творческой требовательности к себе и трудолюбия. В грузинском театре советского периода я могу назвать трех таких фантастических актеров-тружеников: Вахтанг Чабукиани, Серго Закариадзе и Акакий Васадзе. Его актерские «умения», техника были на недосягаемом уровне. Когда он показывал различные виды «плача» и по его «окаменевшему» лицу начинали градом катиться слезы, а само лицо делалось то «отчаявшимся», то «глупым», то комичным, смешным, становилось понятно, что такое «актерское мастерство». Конечно, сегодня эта атрибутика не входит в «арсенал» подготовки современных актеров, как уже не входила в период моего обуче-

Акакий Васадзе

ния, но лично я всегда восторгался, видя пусть устаревшую, но такую утонченную технику, такой уникальный актерский профессиональный диапазон.

Совершенно без заметных усилий он осваивал диаметрально противоположную стилистику, жанровые «разности», с одинаковым успехом мог играть дюрренматовского Бидермана и Яго, сегодняшнего Исидоре и Франца Моора, с равным удовольствием, с азартом работал в театре Руставели и в театре Марджанишвили, в Рустави, в Кутаиси, в музыкальном театре и в институте.

Хахи Кавсадзе, его сосед по дому, по лестничной площадке, рассказал: «Он серьезно болел и уже не вставал с постели... Я зашел к нему, а он вдруг спрашивает: «Как ты думаешь, на том свете театр есть?!» Такого АРТИСТА ни убирать, ни увольнять из театра нельзя. Это УНИКУМ.

Вахтанг Чабукиани (1910-1992 гг.) – самый большой, самый известный, самый разносторонний и притягательный из грузинских актеров; основоположник и создатель грузинской школы классического танца, воспитатель всех наших известных танцовщиков и танцовщиц, сочинитель, постановщик и главный исполнитель всех классических национальных грузинских балетов. В СССР на всей территории Союза только три «точки» вызывали интерес серьезных балетоманов – Большой, Кировский и... Вахтанг Чабукиани.

Балет был гордостью грузинского искусства, каждая новая постановка вызывала огромный общественный интерес, рождала поколения новых зрителей, годами сохранялась в репертуаре.

При жизни Вахтанга Чабукиани театр имени Палиашвили был театром «балета и оперы». Все большие национальные премьеры были балетными. Это: «Сердце гор», «Горда», «Синатле», «Отелло», «Демон» – вот его основные хореографические поста-

Вахтанг Чабукиани и Вера Цигнадзе в балете «Отелло»

новки и исполнительские шедевры; никогда после него грузинский балет не добивался такого высокого уровня, популярности и уважения. После его ухода театр Палиашвили снова стал театром «оперы и балета», лишь ненадолго воспрянув, когда из Москвы руководителем был приглашен супер-солист Большого театра Михаил Лавровский, ожививший грузинский балет прекрасной постановкой и замечательным личным исполнением партии Порги в балете на музыку Джорджа Гершвина «Порги и Бесс». Этот спектакль был последним всплеском, после которого опера никогда, даже приблизительно, не достигала уровня «Абесалома», а балет навсегда переключился на «дивертисменты» и «одноактные миниатюры».

Много-много лет прошло после ухода Вахтанга Михайловича. Сменились школы, изменились стили, усовершенствовалась техника, расширились «умения» исполнителей, но никто, никогда не сумел так завораживать, так восхищать, как это делал Чабукиани. Трудно объяснить, что отличает «великого» артиста от «хорошего», ведь оба, в сущности, делают одно и то же – говорят одни и те же слова, поют одни и те же ноты, на одну и ту же музыку «вертятся», «прыгают», «ходят», но это «одно и то же», на самом деле, совсем не «одно и то же». Ибо в театре разницу воздействия на зрителя, слушателя рождает талант.

Когда Чабукиани только вы-

ходил на «соло», в зале наступала какая-то особенная, мертвая тишина. Публика ждала, все ждали... Так было всегда – в «Дон-Кихоте», в «Лауренсии», в «Отелло», перед его потрясающим «Мавританским танцем» вот это ожидание, этот короткий миг, момент и делает пребывание человека в зрительном зале осмысленным, незабываемым. Момент, когда ты ждешь «откровения искусства», которое через мгновение, на твоих глазах сотворит Великий Артист. Так в свое время я ждал великую Майю Плисецкую в «Умирающем лебеде», так ожидал появления на сцене великого Аркадия Райкина или выхода Лучано Паваротти.

Для театра, в принципе, все премьеры – праздник, все – результат тяжелого, нервного труда. Но есть особые, которые выходят за обычные рамки, рвут стандарты, границы, делаются национальным достоянием. Таким общепризнанным шедевром, без сомнения, является балет «Отелло» в постановке и исполнении Вахтанга Чабукиани, в замечательных декорациях и костюмах великого грузинского театрального художника – Соломона (Солико) Вирсаладзе.

В театр имени К. Марджанишвили меня пригласили работать по инициативе **Софики Чиаурели (1937-2008 гг.)**. Она хотела, чтобы я поставил для нее конкретную пьесу – «Мадам Сан-Жен» Сарду и Моро. Эта пьеса в советском театре ставилась для звездных составов, и театр Мар-

джанишвили тоже хотел занять в спектакле всех звезд – Котэ Махарадзе, Отара Мегвинетухуцеси, Тариела Сакварелидзе, Мераба Тавадзе, звездную молодежь и т.д. Спектакль задумывался, как гала-представление, таким и получился.

На премьерe присутствовала легендарная матушка Софики – Верико Анджапаридзе, которая уже очень редко появлялась в театре, но на этой премьерe побывала и даже после спектакля пришла за кулисы, чтобы поздравить меня, всех участников, даже выступила. «Это совсем другой спектакль, – сказала она. – Тамар (первая в Грузии Сан-Жен – актриса Тамара Чавчавадзе) была совсем другая, ее Катрин была героическая, величественная, амбициозная. А Софа совсем другая... Ваша интерпретация мне нравится больше... У вас все современнее, разнообразнее... и т.д.». Я был очень горд и доволен высокой оценкой «Самой Верико», тем более, что мы все считали своей основной концептуальной задачей – придание этой, в общем-то, заграничной пьесе, какого-то нового интереса, обобщения. Потому в интерпретации Тариела Сакварелидзе, наш император Наполеон Бонапарт смотрелся, скорее, как несчастный влюбленный, Жозеф Фуше – Котэ Махарадзе, виделся человеком, который профессию «сыскаря» вознес до уровня великого искусства, а граф Нейпер в исполнении Мераба Тавадзе выглядел настолько очаровательным и элегантным, что все беспричинные эскапады ревности Бонапарта в адрес супруги смотрелись абсолютно логично и правдоподобно; что касается – фельдмаршала Лефевра, то если бы его сыграл Мегвинетухуцеси, как и планировалось сначала, он приобрел бы совсем другой размах, но Отар не пожелал. Хотя Сосо Гогичаишвили, назначенный на эту роль вместо него, смотрелся в звездном составе вполне «по-звездному».

На премьеру из Москвы прилетела большая телегруппа, которая засняла весь спектакль, записала интервью всех участников. А потом в течение многих лет его показывали, как телевизионный «фильм-спектакль» по все-союзному и республиканскому

каналам. Позднее, во время гражданских войн и перестрелок, когда тбилисский «телецентр» перманентно переходил из рук в руки, этот «фильм» исчез, как мне сказали. Во всяком случае, больше его уже не показывали, а жаль, потому что Катрин Лефевр и звезды Марджанишвили могли бы иногда радовать и сегодняшних зрителей.

Софи́ко – т.е. Софья Михаиловна Чиаурели ушла из жизни так, что никто и никогда, ни разу не назвал ее по имени-отчеству, несмотря на возраст, на все, какие только возможно, заслуги, награды и звания. Она для всех была и осталась – Софи́ко, замечательной актрисой и прекрасным человеком, личностью редчайшего обаяния, с поразительным внутренним и внешним артистизмом. Странно, но публика звала марджановцев всегда по именам – Верико, Васо, Цецилия, Лена, Софи́ко, при этом никому и никогда не пришло бы в голову назвать Хорава или Васадзе – Акакием, их всегда звали по фамилиям, официально.

Киногений Серго Параджанов считал Софи́ко своим талисманом и снимал во всех своих великих фильмах, оставив нам феноменальные по выразительности кадры-«миражи» в «Саят-Нова». Что касается театра, то, начав свою карьеру «марджановской» актрисы с пьесы «Девочка с ленточкой» и переиграв на сцене прославленного театра весь ве-

Софи́ко Чиаурели

ликий классический репертуар – Юдифь в «Уриэль Акоста», Анну Каренину, Катрин Лефевр, другие огромные роли, она так же охотно «отрабатывала» и маленькие, даже крохотные роли, например свою знаменитую дворничиху Заре с ее «курдским» танцем, которому «бисировали» всегда, пока этот спектакль оставался в репертуаре.

Последние десятилетия XX века творческий профиль театра имени Марджанишвили определяли два человека – это Софи́ко Чиаурели и Отар Мегвинетухуцеси.

Отар Мегвинетухуцеси (1932-2013 гг.) – это, на мой взгляд, один из самых талантливых, отмеченных Богом и природой, артистов второй половины XX века. В ряду грузинских актеров Мегвинетухуцеси – это самый интересный, разносторонний универсал, который в течение всей карьеры на сцене и на экране утверждал свое бесспорное лидерство и творческий авторитет. В свой 80-летний юбилей он показал фантастический объем проделанной им работы: это и Сирано де Бержерак, и Отелло, и Эдип, и Пиросмани, и Николай I, это – Дата Туташхиа, Царь Георгий, множество других персонажей менее известных фильмов. Это, наконец, выдающаяся работа в спектакле «Хаки Адзба», где он создал новый, некультивированный в советском театре положительный образ князя-патриота, князя-жертвы, выявил нехарактерную в СССР проблему обязанности князя-владельца защитить, уберечь «всех», даже ценой «себя».

Отар прошел многообразный творческий путь от своей первой большой и успешной роли – Чонта в спектакле Чхартисвили «Отверженный», до монолога врача в спектакле – юбилее, посвященном гибели Ильи Чавчавадзе, когда он превратил чтение обыкновенного, сухого «патологоанатомического заключения» в трагический монолог, в артистический шедевр. И еще мне хотелось бы отметить особенно глубоко врезающуюся мне в память сцену допроса императором Николаем I главы восставших декабристов. За свою долгую жизнь в различных театрах я повидал многое

Отар Мегвинетухуцеси

и многих. И должен с удовольствием отметить, что эта сцена в исполнении Отара и другого прекрасного актера – Ираклия Учанишвили, остается для меня одним из самых больших театральных впечатлений.

Отар Мегвинетухуцеси в грузинском театре – одна из самых интересных и нестандартных личностей, с неповторимой актерской манерой, неожиданным, оригинальным мышлением, особенной пластикой. Я не припоминаю ни одной проваленной им роли. Другое дело, что одни получились успешнее, ярче, глубже, интереснее, другие – менее, но всегда это была продуманная, актерски обусловленная, грамотная работа профессионала.

Помню, давно-давно на гастроли в Тбилиси приехал знаменитый английский театр «Олд Вик». Их костюмы, декорации, реквизиты застряли где-то в дороге, и им пришлось играть Шекспира в своих, современных костюмах. Мы, профессионалы, были в восторге от их творческой находчивости, смелости, решимости, с которой англичане преодолели этот «форсмажор». Так что, наверное, неважно, в чем ты играешь, важно, как играешь. Люди, про которых я пытался рассказать, никогда не играли классику в майках и джинсах, но то, что они играли, играли замечательно! За что современники навсегда полюбили их.

Илья Дадашидзе (в центре) в мастерской Ладо Гудиашвили

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЛЮБВИ

■ Анаида БЕСТАВАШВИЛИ

В сентябре нашему близкому и дорогому другу Илье Дадашидзе должно было исполниться 75 лет, но он, к несчастью, не дожидил и до 60 (1942-2001). Это был настолько живой и молодой человек, что невозможно писать о нем в прошедшем времени. Нам вообще не дано постичь конечность всего сущего, поэтому, несмотря на бесчисленные утраты, скорбя и страдая, мы продолжаем жить. Даже имена людей, погибших, уничтоженных, без вести пропавших, не имеющих могилы и, казалось бы, всеми забытых, вдруг воскресают и внезапно занимают огромное место в нашей духовной жизни и в нашем сознании.

Моя дружба с Ильей длиною в 35 лет – это целая жизнь, в которой, как во всякой жизни, было много радости и печали. Уже нет тех прекрасных людей, которые могли бы разделить со мной эти горькие и в то же время драгоценные воспоминания. Илюша, так его звали все, самый юный из нашего поколения, поколения шестидесятников, но это не мешало никому сразу оценить незаурядный талант поэта, начавшего свой творческий путь, как его великие предшественники, в горо-

де, пропитанном поэзией – древнем и никогда не стареющем Тбилиси. А сам поэт – пылкий и нежный, влюбился в этот город и его жителей с первого взгляда. Его голосом, не похожим ни на какой другой, заговорили Георгий Леонидзе, Симон Чиковани, Ираклий Абашидзе, Карло Калладзе, Григол Абашидзе. Родными для него стали дома Фатьмы Твалтвадзе, Ниты Табидзе, Отара Нодия. Восторженный и в то же время сурово неподкупный Гия Маргвелашвили называл имя Ильи рядом с Беллой Ахмадулиной, Володей Леоновичем, Юрием Ряшенцевым. Это была самая высокая планка.

Каждый приезд Илюши из Баку в Тбилиси был праздником и для него, и для его друзей. Жизнь словно приобретала совсем другой темп. То он спешил на выставку картин Елены Ахвледиани, то подолгу задерживался в мастерской Ладо Гудиашвили, готов был бесконечно слушать воспоминания уникального фотохудожника Додика Давыдова, оставившего нам портреты, можно сказать, литературных звезд поэтов – друзей Грузии, в том числе и самого Илюши. Восхищался новыми стихами Шуры Цыбулевского, пере-

водил могучего Отара Чиладзе. Забегал в любимую «Литературную Грузию» побеседовать с Гурамом Асатиани, любил выпить традиционную чашечку кофе с Викой Зининой и Камиллой Коринтэли. Был желанным гостем в кабинете председателя Союза писателей, неповторимого остроумца Нодара Думбадзе.

Илюша умел и любил открывать новые таланты, не знал, что такое зависть, помогал всем, кто в этом нуждался. Будь то начинающий поэт, не имеющий крова над головой, или героическая Надежда Яковлевна Мандельштам, наученная жизнью быть не очень-то доверчивой, но сразу впустившая в свою скромную квартирку и в свое израненное сердце Илюшу с Ирочкой, его женой и музой.

Во время бакинских погромов Илья Дадашидзе помогал армянам спастись, а вскоре и сам покинул город, начав работу в московской студии радиостанции «Свобода», чьим корреспондентом он был, еще находясь в Баку, где он много лет работал в журнале «Литературный Азербайджан». На «Свободе» он очень быстро стал незаменимым, вел рубрики «Человек имеет право», «Поверх барьеров», «И мы там пили мед». Он был мастером интервью, приглашая совершенно разных, но самых ярких собеседников. Ставил острые вопросы, абсолютно спокойный и независимый. Я думаю, всем запомнилась его беседа с Чабуа Амирджиби, впоследствии ставшим крестным отцом Ильи, как и эссе об Арсении Тарковском. Вообще надо сказать, что Илья прекрасно писал не только стихи, но и статьи, рецензии, очерки.

Илья дружил с диссидентами, правозащитниками и не только с ними, он был настоящим «гением дружбы», хотя всегда в круг «доверенных» входили очень немногие. В этом смысле, он был достаточно привередлив и в выборе грузинских авторов, которых хотел бы и сумел перевести. Обладая абсолютным слухом, имея серьезное музыкальное образование, ловил главное, на мой взгляд, интонацию, ритм у

таких поэтов как Галактион и Тициан Табидзе, Паоло Яшвили, Георгий Леонидзе, Отар и Тамаз Чиладзе, Джансуг Чарквиани и многих других, ярких и самобытных поэтов. Просто удивительно, как за свою недолгую жизнь он успел сделать так много и так безукоризненно.

Была в Тбилиси еще одна «горячая точка», обладавшая для Илюши особой притягательностью. Это, конечно же, легендарное издательство «Заря Востока» (позднее «Мерани») во главе с бессменным руководителем, мудрейшим Марком Израилевичем Златкиным, распознавшим в застенчивом, очень молодом человеке, истинного поэта. Именно здесь в 1982 году вышла в свет первая тоненькая книжка стихов и переводов Илюши с предисловием Беллы Ахмадулиной. Называлась она знаменательно «Ревность по дому». Это было важным событием для автора и не только его одного: ведь именно в стенах этого издательства бывали и любили печататься (в газете «Заря Востока») Маяковский, Есенин и многие-многие классики русской литературы 20-х годов прошлого столетия, всех не перечить! Именно здесь в 1958 году, в самый разгар травли великого Бориса Пастернака, давнего друга и несравненного переводчика грузинских поэтов была издана его книга стихов и переводов, что было верхом отваги и солидарности. Здесь же появился собранный Павлом Нерлером сборник «Картвельские оды» Бе-

недикта Лившица, в 30-х годах репрессированного и спустя десятилетия реабилитированного. Стали бесценным подарком для читателя книги Андрея Белого, Осипа Мандельштама, Николая Гумилева, Исаака Бабеля, Бориса Пильняка. Эта эстафета при М.И.Златкине не прерывалась, включая Владимира Полетаева, прервавшего свою жизнь до 20, но успевшего сделать так много для Грузии, и Наталию Соколовскую, ныне плодотворно работающую нашим литературным послом в Санкт-Петербурге. Я еще и потому называю все эти имена, что они были близкими и родными для Илюши. Он любил соединять всех, кого высоко ценил сам, делиться всем тем, что открывал для себя сам.

Если не ошибаюсь, именно Илья привел в наш московский дом Владимира Леоновича и Яна Гольцмана. Конечно, я уже знала на редкость удачные переводы Яна из грузинского фольклора, разумеется, восхищалась «непомерностью» дара Леоновича. Но не знаю, когда без доброго, щедрого Ильи увидела бы их «живьем» в нашей семье. Илюша любил и уважал моего мужа и на равных общался с нашими детьми. Когда-то маленькая Нина – теперь уже зрелый литератор и художник, по просьбе Илюши, сделала его портрет. И сквозь черты совершенно современного человека, уже известного поэта, вдруг проступил тонкий, задумчивый облик лицеиста. Главное было схвачено. По сей день

Илья Дадашидзе с дочерью и супругой

В рабочем кабинете

нет понятия более возвышенного и благородного.

В 2002 году, по инициативе и поддержке радио «Свобода» и русского Пен-центра, был издан прекрасно оформленный сборник стихов Ильи, переводов с грузинского, статей, интервью, передач, по сей день не теряющих своей актуальности, воспоминания об Илье близкого поэтического окружения. И среди них звучит пронзительно и одиноко голос Ирины Смеловой-Дадашидзе: она написала лучше и точнее всех нас. И это понятно – иначе быть не могло. Хотя Иру, как человека скромного, наверняка смутят эти высокие слова, но по силе и краткости они напоминают эпитафию Нины Чавчавадзе-Грибоедовой, запечатленную на памятнике ее великому мужу. «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя». И хотя Илья похоронен в Москве, я верю, память о нем хранит и столь любимая им Мтацминда.

В предисловии к книге «Все-го лишь гость...» Андрей Битов называет ее «попыткой в сумме вернуть долг каждого перед Илей». Нас, должников, оказалось много, и получился не просто сборник, а настоящая энциклопедия любви.

Такие люди, как Илья, никогда не уходят из нашей жизни, поэтому я не говорю тебе – прощай, Илюша, а только – до встречи...

Армен Зурабов

В НАЧАЛЕ БЫЛО...

■ Карина ЗУРАБОВА

*Памяти Армена Зурабова.
16 августа годовщина его смерти.*

Тбилиси – город артистов и рыцарей, флибустьеров и авантюристов, поэтов и жизнелюбов. Не знаю как сейчас, но, говорят, так было лет 70 назад. И второй по значению – после Руставели – проспект являл яркую вывеску всех этих качеств. Картину нравов, говоря литературно. Тогда, во временном промежутке между давнишним «Михайловским» и нынешним «Агмашенебели», он назывался Плехановским проспектом. Там, в красивом старинном доме возле кинотеатра «Комсомолец», родился Армен Зурабов. Подчеркиваю – родился дома, его мама больниц не любила и где рожать детей – решала сама.

Дом был трехэтажный, с рюсальками на фасаде, с чугунны-

ми воротами, длинным-длинным двором, с пятиметровыми потолками и деревянными ставнями на окнах. Слева во дворе – традиционные «шушабанди», белье на веревках, женщины на крылечках перебирают рис и болтают с соседками, а справа – глухая кирпичная стена кинотеатра, из-за которой доносятся крики и шепоты – идет кино.

Этот двор, и дом, и семья описаны в рассказах Армена. «Мама была дочерью генерала. Отец был из крестьян. Познакомились они в Москве в двадцать шестом году на финансовых курсах. Из Москвы вернулись вместе и стали жить в Тифлисе у бабушки, в большом старинном доме с ангелами, деревянными балконами и узким длинным двором.

До революции дом принадлежал богачу Осипову. Дед, генерал, занимал третий этаж. Детей было шестеро».

Я люблю этот рассказ «Семейная хроника». Да и в других, во многих рассказах у Армена появляются его родители. Он жил вместе с ними всю жизнь; они дружили с его друзьями, участвовали во всех его увлечениях, принимали все виражи и обрывы его судьбы. Здесь не просто любовь – уважение, понимание, обожание. И ни с кем не было у него таких ожесточенных споров, как с отцом. Разве что со мной, лет сорок спустя. Чем ближе, тем больше.

Дед играл на мандолине – это первое, что приходит на ум, когда я о нем вспоминаю. «На мандолине он научился играть сам и играл марш, который придумал сам, и старинные армянские песни. Он играет их и сейчас – тот же марш и те же песни на той же мандолине. И лицо у него так же лучиками расходится из глаз, когда он играет песни, и разглаживается и молодеет, когда он играет свой марш» – это из рассказа «Невидимый экран». Он мастерил мне птичек из конфетных фантиков и читал по-армянски стихи. И еще он очень долго шел по двору, возвращаясь с базара, потому что подзывал детей и всех угощал – конфетами или фруктами.

А мама была главным человеком в жизни Армена. Он часто вспоминал (это – из ненаписанного), как его исключили из железнодорожного института в Москве, и он явился домой, как снег на голову, и не знал, как начать объяснение. А мама взглянула на него, «сразу все поняла», говорил он, и сказала: «Обедать будешь? Садись».

Жизнь в доме начиналась рано – дед уходил на работу, меня вели в детский сад, – а заканчивалась часа в два ночи. Приходили гости. Прийти можно было и среди дня, и в шесть часов, к обеду, и в 11 ночи, и в 12... Часто говорили о литературе и – о ужас! – о политике. Тогда от яростных криков дребезжала

Армен Зурабов с родителями. 1933

посуда в буфете и звенели подвески на люстре, а я колотила кулаком в тонкую стенку спальни – чтобы показать, что я не сплю и страдаю от их разборок по поводу Ленина и Сталина. И в гостиной ненадолго переходили на драматический шепот.

Как и во многих старых домах Тбилиси, дверь квартиры на Плеханова не запиралась никогда. Только поздно ночью, когда ложились спать – на английский замочек. В остальное же время туда мог прийти любой человек – знакомый и не очень – и получить сердечный прием, литературную консультацию и житейскую помощь. Приходили знакомые знакомых, интересующиеся смыслом жизни. Приходили дети друзей, сочиняющие стихи и рассказы. Приходили люди сложной судьбы с уголовным прошлым. Все эти гости обычно попадали в кабинет – светлую комнату с большим письменным столом и книжными полками, садились на тахту, разглядывали книги на полках и картины на стенах и узнавали, как им жить дальше.

Жить надлежало духом, развивая данный тебе Богом талант, отрабатывая его. Папа старался разглядеть талант в

любом человеке и особенно радовался, если талант этот был – литературный. Потому что лучше и выше литературы ничего на свете не представлял. Хотя очень любил и музыку, и живопись, и театр. Как будто специально для него было написано: «В начале было Слово»! Такой подарок писателю.

Я не знала более литературного человека, чем он. Это было так понятно и естественно – то, что в его кабинете смотрели со стен портреты Пушкина, Толстого и Чехова, очень близких ему людей. Еще ближе был ему один персонаж, в виде чугунной статуэтки стоявший на его столе, – Дон-Кихот, великий идеалист, автору которого так и не удалось его высмеять, и он остался в веках как символ веры в добро и благородство человека. Так же естественно было для него, за обедом или чаем, обсуждать Шекспира или Торнтон Уайлдера, новые стихи Межирова или Вознесенского, восхищаться любимым «Тихим Доном» или «Скучной историей». Неважно, кто оказывался его собеседником (а точнее – слушателем) – кем бы он ни был, слушать ему было интересно и чудно. Специально для

меня он придумал (а идею взял у Чехова!) карточную игру, в которой картами были портреты писателей – и с тех пор я знаю в лицо и Мопассана, и Некрасова, и Дениса Давыдова. И писателем Чехова и Бабеля я полюбила навсегда как друзей детства: чтобы я лучше кушала, папа читал мне за обедом «Хамелона» или «Как это делалось в Одессе».

В будничной жизни существует множество неотложных дел: ходить за продуктами, встречаться с друзьями, убирать в доме, водить ребенка на английский, доставать лекарства для родителей..., – но в любой суете неизменным для него оставалось главное: сидеть за письменным столом и выбирать нужное слово, чтобы выразить самую суть прошедших событий, суть человеческого характера, суть проходящей жизни. Он был максималистом, «перфекционистом» – как сейчас говорят – и работал медленно и тяжело. «Вот сидел с утра... Возился...», – говорил он, уже на девятом десятке сражаясь с непослушным сюжетным материалом. Об этом же он писал много лет назад, восхищаясь тяжелой работой циркачей в рассказе «Трюк Симато». «Был один из тех неудачных дней, когда, проработав весь день, вдруг осознаешь, что ничего не вышло и надо все начинать сначала, и с обидой и ненавистью к себе вспоминаешь, сколько раз за день, отчаянно глотнув воздух, уходил в глубину и, так и не достав дна, выплывал, боясь задохнуться.

В такие дни слабеет воля и ускользает вера, и надо вернуть ее, иначе не станет сил работать завтра – не станет сил снова сесть за стол, победить страх перед бумагой, взять ручку и написать первую фразу. Потом зачеркнуть ее и написать снова, заменив в ней только одно слово, а потом заменить другое слово, потом – третье, потом опять вернуться к первому и вдруг зачеркнуть все и написать совершенно новую фразу и все

Армейский снимок

в ней начать сначала, и так до тех пор, пока из нескольких перечеркнутых страниц не возникнет наконец простая и спокойная, и ясная, как дневной свет, единственная фраза».

Работа со словом – это был его ответ жизни, его благодарность ей, восхищение, протест, раскаяние, негодование – и, несмотря ни на что, любовь. Он видел ее красоту. В рассказе «Сад» – это красота живого мира, восторг мальчика, приехавшего в бабушкин сад в Кировакане, когда он обнимает деревья, бабушку, мокрую траву с упавшими в нее тяжелыми яблоками и счастлив жить общей жизнью с этими деревьями, горами, звездами... В юношеской хронике «Весна на Сурамском перевале» – попытка понять свое место в этом мире, свои отношения с волнующей его природой: «Я не часть ее. Во мне есть все, что есть в ней. Для каждого дуновения во мне находится клетка, которая отзывается на него. Я переполнен

очертаниями гор, пением птиц, красками неба, запахами лесов. Маленький и затерянный в мире, я вмещаю мир в себя...»

А красота духа открывалась ему в великих книгах – об этом он пишет в рассказе «Вечная жизнь». Удивительная женщина, мать одного из одноклассников, «она не была для нас ни учителем, ни наставником жизни – она просто вовлекала нас в мир, в котором жила сама, и мы чувствовали себя в нем значительнее и выше, потому что в нем не было придуманных правил жизни, а была сама жизнь, та истинная и, может быть, единственно реальная, которая была над временем и которую она научила нас называть вечной наперекор принятым тогда плоским словам, оградившим мир от его таинственной беспредельности».

После «таинственной беспредельности» скучно было копошиться в дрязгах и пошлости жизни. Он избегал их. Он уже умел общаться с Гете, Эсхилом, Швейцером. И всеми силами старался тянуть встречавшихся ему людей прочь от пошлости, от примитивного материализма, туда – на высоту.

Он мечтал написать книгу «Героические биографии», где выявлялся бы подвиг простых и незаметных для истории людей, их каждодневный героический путь. Это должны были быть совсем маленькие рассказы, очень простые: он знал, что маленькие и простые – самое трудное, и хотел сам этот подвиг совершить. Несколько таких миниатюр – «Вечная жизнь», «Артем Саакян», «Трюк Симодо», «Учитель» вошли в его книги. Да и единственная его пьеса «Лица» – это история героической любви, одинокой, бескорыстной, возвышающей...

Как же непросто складывались отношения Армена с родным городом!.. Сказочное пространство старинной квартиры – с трехэтажным буфетом, старым роялем, гимнастическими кольцами в дверном проеме, креслом-качалкой. Двор,

где играл в казаки-разбойники с мальчишками. Плехановский, на котором проходил первые шаги к идеалу «настоящего мужчины» – дрался, не спускал обиды, дружил по-мушкетерски, по-тбилисски! Комсомольская аллея и Ботанический сад – романтические места свиданий молодости. Верийский парк, где гулял с собакой – истово, добросовестно, как все, что делал, – три раза в день по часу! Винный подвальчик у самых ворот, куда можно сбегать, если неожиданно пришли гости, и вернуться через пять минут с разливным кахетинским. В городе его знали. Город вошел в его кровь, в его природу – но он всегда рвался уехать! Ему нужны были героические масштабы для жизни, для доблестей, подвигов и славы.

В Москву, в Москву – этот клич сопровождал всю его жизнь. Он учился в Москве на Высших Сценарных курсах – и что-то там сорвалось с уже почти запущенным киношным делом. Публиковался в журналах. Месяцами жил у друзей, которых у него было пол-Москвы. Однажды повез меня на зимние каникулы – показывать московские театры, это были самые феерические каникулы в моей жизни. Очень радовался, что я учусь в Москве.

Но...

«...шли по Армянскому базару мимо лавок и растворов, еще перекрытых длинными железными засовами, и мимо караван-сарая с башенкой, похожей на широкий шпиль, а чуть ниже, сразу за ним, врывшийся в землю низкий вход в Сионский собор, и священник уже, вероятно, ходит по двору вокруг церкви, то и дело останавливается и как будто здоровается со стенами, и мимо синагоги – большой, массивной, из красного кирпича, с круглыми окнами, внутри которых рамы в виде шестиконечных звезд, и синагога еще закрыта, но у ворот во дворе синагоги уже стоят старики с настороженными глазами, и в лицах их озабоченность пастухов,

охраняющих свое стадо,... шли мимо Александровского сада под большими белыми платанами – их голые ветки протягивались из сада на улицу, и за стволами их и за пышными зелеными кустами город исчезал, а на Воронцовском мосту сразу стало просторно – и в обе стороны от моста стал виден весь город: и Авлабар с огромной даже издали желтой кирпичной Армянской семинарией, и над самой Курой, на скалах, дома с веселыми деревянными балконами, и нарядная круглая башня древнего царского дворца, и вокруг башни тоже деревянный балкон, и у самого моста, внизу, задумчиво выныривающие из Куры большие почерневшие колеса водяной мельницы, а с другой стороны от моста, вдали, схватившись за перекинутый через Куру канат, окруженный белой пеной, перерезает течение паром, и над всем этим – большая, легкая, спустившаяся с неба гора обнимает город долгими мягкими склонами...

Он... радовался каждому, кого встречал, пока шел, и... все казалось ему как бы продолжением его тела, и ему даже пришла странная мысль, что, может быть, это и есть его настоящее тело – этот город, и гора над ним, и все горы вокруг, и небо, и воздух, а его руки, ноги, глаза, уши, кожа – только то, что связывает его с телом; но еще до того, как он об этом подумал, от самого Метехи, всю дорогу была разрывающая горло нежность ко всему, что он видел, и земля, по которой ступали его ноги, была их бесконечным продолжением...».

Этот удивительный проход по Тбилиси – по Тифлису начала века – из его книги о Камо «Тетрадь для домашних занятий». Герой после долгого заключения идет по родному городу, и понятна его нежность, и восторг, и жадность к домам, и улицам, и прохожим... Папа еще застал и Голубую мечеть, и Ишачий мост, и паром через Куру. И думаю, неслучайно написано это ощущение города как продолжение

своего тела. В главном герое отчасти воплотился узнаваемый мятежный характер автора. С одной стороны его ведет бешеная жажда деятельности и борьбы за справедливость, а с другой – останавливают вечные вопросы. И отношение к матери, и спор с прагматиком Шредером, и размышления о смысле жизни – так размышляют дети и философы, открывающие для себя мир, и любовь к людям, деревьям, воробьям, лошадям, и преданность идее – это все он, Армен Зурабов.

написал несколько сценариев, снял несколько фильмов. Один из самых мной любимых – «Песни Песней», о древней поэзии Армении. Не о стране, не об истории, не о поэтах – о Поэзии, очень писательский замысел, истинно авторское кино! На фоне фантастических, суровых пейзажей (фильм черно-белый, чтобы не было соблазна «красивой картинкой») звучали народные мелодии и царствовали великие стихи Нарекаци и Кучака, Фрика и Дживани, армянских лириков, которые выразили в

После премьеры в студенческом театре

Роман был опубликован в «Новом мире», потом вышел в серии «Пламенный революционер», а потом Армен поставил по нему на Центральном телевидении трехсерийный фильм «Монолог Камо». Несколько сцен он снимал в Тбилиси, и, естественно, в них фигурировали и его сосед по общему балкону, и дочка, и внучка, и друг Резо, и дом художника Робика Кондахсазова, и пес Джойка. Веселое дело – съемка фильма.

Вдохновленный великими режиссерами, он видел в кинематографе искусство будущего. Он сочинил «Диалог писателя и режиссера», где доказывал необходимость авторского кино как истинного искусства. Окончил Высшие сценарные курсы,

слове мир природы и мир страдающей человеческой души. Несколько месяцев ездил он по ущельям и монастырям Армении, потом несколько месяцев не выходил из монтажной, сам резал и клеил снятый материал, записывал лучших чтецов... Передельывал уже готовый фильм – из двух серий сделал одну. А потом все-таки написал об этом рассказ «Татэв».

Говорят, эту ленту показывали студентам во ВГИКе как классический образец монтажа звука и изображения.

Он часто сокрушался, что потратил много времени на кино и не написал того, что хотел, что должен был... И объяснял, что его соблазняло в процессе съемки: ты включен

На отдыхе в Дагомысе с дочерью

в жизнь, общаешься с людьми, делаешь с ними какое-то общее дело – а когда пишешь, сидишь за столом, один в целом свете, и жизнь проходит где-то там, мимо... В общем деле он оказывался обычно в роли организатора, диктатора, идейного вождя, вокруг которого нарастало, клубилось и обретало оригинальную форму культурное движение – будь то школьное «тайное общество» помощи нуждающимся, театральная студия при Тбилисском железнодорожном институте, литературный вечер в ГПИ, съемки фильма в Коктебеле или лекции о Чехове и Феллини в обществе «Дельфис». Это отвлекало от главного, но иначе он жить не мог: «Лишь тот достоин жизни и свободы, Кто каждый день идет за них на бой!»

Армен шел на бой с ложью и рутинной – и его исключали из МИИТа, он воевал с председателем Госкино – и фильм не получал тиража, он сражался за идеальную любовь – и гово-

Армен в последние годы

рили, что он против советской семьи... За что он только не сражался!.. А потом настала Perestroyka. Он оказался в Москве. В двухкомнатной хрущевке, где ухитрился расположить свой тифлисский буфет и свои полки с книгами. И так же, как на Плеханова, в окно заглядывали ветки деревьев. И заходили друзья на чай с вареньем и на разговоры о главном. А на Новый год всегда стояла елка, украшенная старинными игрушками.

Он не купился на соблазны рыночной свободы, продолжал стоять на своем: истинная жизнь человека происходит в мире духа. Статьи, которые он писал в эти годы, как всегда, против течения. В них тот же серьезный и детски-удивленный взгляд на мир, что и в его прозе, и та же вера в человека, несмотря на все ужасы и гадости, им совершенные, – вера в победу света в его душе. «Вспомните, кто вы» – так называется его последняя книга, двухтомник, в который вошли и давние рассказы, и последние статьи.

Папа многого не успел. Не написал, как он считал, главной книги – о трагедии своего поколения (у каждого поколения – своя трагедия!). Не закончил много начатых вещей. Не сумел

вписаться в реальность изменившейся страны – да он сроду никуда не вписывался. Он никогда не выезжал за границу. Никогда не занимал никаких постов – даже представить это смешно. Был очень нежным и деликатным – и совершенно недипломатичным. Застенчивым – и абсолютно убежденным в своей правоте. Его вспыльчивость выливалась в какие-то эпические, шекспировские масштабы – то был гнев олимпийца с пучком молний в руке!.. И такой же беспредельной была в нем забота о близких и ответственность за чужую жизнь.

«Он был единственным настоящим идеалистом, которого я видел в жизни! – сказал один из близко знавших его людей. – Его идеал не опровергался никакой практикой!» Просто Армен исходил из реальности законов природы, среди которых нравственный закон так же практичен и незыблем, как законы Ньютона.

Он лежит в Москве, на Армянском кладбище, рядом с сестрой Нелли. За этот год он стал не дальше, а ближе. Мы еще долго будем с ним разговаривать.

ЭКСПРЕССИВНАЯ ГРАФИКА ГУРАНДЫ КЛИБАДЗЕ

■ Карина ПОГОСОВА

Гуранда Клибадзе родилась в Тбилиси.

В 1992 году окончила Художественное училище им. Я. Николадзе, факультет живописи. В 1995 г. – Институт театра и кино им. Ш. Руставели, факультет сценографии, а в 1999 Тбилисскую академию искусств им. А. Кутателадзе, факультет станковой графики.

Ее картины украшают частные коллекции Грузии, Швейцарии, Франции, Турции.

Искусство не миф, а вот мифология – искусство. Мифы можно читать и посредством графики: посмотришь на картины Гуранды Клибадзе – и узнаешь о горестной судьбе Аиэты, страстной колдунье и предательнице Медее, корыстном обольстителе, жаждущем завладеть золотым руном Ясоне. Истории, характеры, состояния героев через густо-черные ярые мазки эмоционального автора становятся осязаемыми. «Аиэт» создан Гурандой в 2014 году. Ей всегда хотелось писать картины непоколебимой, сильной рукой свойственной мужчинам, а не той категории сентиментальных женщин-художниц, любящих

«цветочки-бантики». Это протест против тривиальности и стереотипности; вызов мужчинам-художникам, которые вынуждены были признать ее талант и недюжинную энергию.

Она не любит фотографироваться, избегает хвалебных од в свой адрес, свои работы называет детьми. Идеи автор-график, монументалист вынашивает терпеливо, поддерживая в себе божественный огонь творчества. Она рисует в пустоте-воздухе, используя стекло. Эта технология (вид печатной графики) называется «монотипия»: то есть не черным по белому, как принято, а черным по прозрачному. Муки кропотливого рабочего процесса оправданы и даже отрадны: картины судорожно живые, динамичные, целостные, отчаянно честные. Никаких мазковых дублей и «припудренности» красочной пылью. «Когда печатаешь монотипию – получаешь отпечаток своего отношения к пустоте». Мастер предпочитает ослепляющему свету красок самодостаточную типографскую черную: «экспрессивную, изысканную». «Черный цвет повышает силу изображаемого, более остро передает сюжет, мое

настроение. У цветных работ резкость уменьшается: обращается внимание на декоративизм, детали, а не на смысл. Графика идеально воплощает драматизм, эмоциональный запал. В черном есть мистика: я проникаюсь переходами мазков из одного в другой как в космосе», – признается художник. Картина посвящена мифу об Аиэте, сыне Гелиоса (Бога солнца) и Персеиды. Его судьба (как и короля Лира) – безысходность и одиночество человека, обладавшего безграничной (как он, заблуждаясь, думал) властью. Аиэт оказывается поверженным непреодолимыми обстоятельствами, предательством дочери Медеи, помогшей любовнику Ясону украсть и увести золотое руно Колхиды. Свобода, всемогущество – этот карточный домик представлений о себе и о жизни в миг безжалостно рассыпается. А сам Аиэт, извергает беспомощный вопль, который никому не слышен: и снова проносится в голове трагичное «А король-то голый!». Гуранда «копает» фундаментально, горячо, у нее (и у меня тоже) много тем для размышления: «Человеку стоит быть скромнее и смиреннее, чтобы достичь счастья и гармонии»; «Самые близкие способны привести нас к краху»; «Не все зависит от нас: есть высшее провидение»; «Нельзя приносить в жертву собственной прихоти благополучие семьи, родины»; «Глупо зарекаться и цепляться за что-то/кого-то – важно просто жить, отдаваясь своему делу полностью». Философия океанической глубины, от которой ком в горле: ответов явно меньше вопросов. Во всяком случае, у меня... «Почерк» Гуранды ни с одним другим не спутать: кисти использует исключительно толстые; бумагу широкого формата и еще: рисует она только стоя. Созданная годом ранее (в 2013-м) картина «Медея и Ясон» также раскрывает актуальную философскую тему через героев знаменитого мифа. Самопожертвование женщины превращает в пепел жизнь отца и близких. Отдав все спол-

на, Медея остается в проигрыше. Ясон – победитель!

Автор в работах передает движение не менее эффектно, чем станковое искусство. Она «кричит», отстаивает свою правду, страдает. А разве политика не Медея? Растерзанная на куски страна, измученный народ, желание объять необъятное и при этом нежелание/неспособность удовлетворить элементарные жизненные потребности тех, кто заслуживает лучшей доли. Так, интерпретируя изображение (благо, право свободно мыслить позволяет!), душа, как воробушек на морозе, сжимается от переживаний за судьбу: собственную и родины. Среди покоряющих свойств Гуранды – восторженность. Влюбившись в Маркеса, прочитав его рассказ «Очень старый человек с огромными крыльями», мастер делится впечатлениями в картине «Ангел» (2012). Сквозь надрыв, досаду, отчаяние персонажа брезжит надежда на то, что мы, если потребуемся, разглядим в ангеле Бога, а не курицу (кто читал – поймет!). Чудеса часто происходят с нами – важно уметь принимать их умом и сердцем, с благодарностью. Немощный распятый ангел устал, его крылья намочили от дождя, погрязшие в бытовых заботах люди оказались не готовы ко встрече с ним, однако, миссию доброго волшебника

он все же исполнил. Человекообразный ангел улетел, но как мне хочется, чтобы он вернулся!

Влюбленная в Сервантеса Гуранда Клибадзе посвятила персонажам великого испанца творения: «Губернатор Санчо Панса» и «Дон Кихот». В новых политических реалиях верный оруженосец Санчо Панса возомнил себя власть имущим: он одет в лохмотья, сидит на осле, с хлыстом в руке и шляпе с перьями! Есть кем погонять – народом, олицетворяет который послушный ослик: чистый, верующий, солнечный. Все на нем ездят, а он смиренен и добродушен. Портрет «Дон Кихота» (2011) – работа совершенная и обескураживающая духовно-эмоциональной наготой. В нем столько безнадежности, что приступ сочувствия неизбежен! Идея об идеальном мире, зреющая в голове Дон Кихота, истреблена (как и интеллигенция в стране в определенный исторический период). Вместо грудной клетки изображенного на картине худого усатого старика дырка в виде выбеленного на черном креста. Думаю, с годами души-дыры некоторых приобретают святость, заполняя пустоту милосердием, покаянием, любовью... Каждый из героев напоминает кого-то из близких – от этого сходства дышать сложно. Гуранда раскрывает глаза на привычное и ненавязчиво

Монотипии Гуранды Клибадзе

спрашивает: «Разве этот «Дон Кихот» не ты?!» Нокаут. Включите тишину! Хочется остаться с собой наедине.

Изумительна и цветная графика мастера: размашистая и при этом филигранно прорисованная! «Райская птица» (2013) и «Суда» (2011) красноречиво «рассказывают о другой» Гуранде: оптимистичной, романтической, пылкой. Миниатюрная колибри устремилась в сад, чтобы испить нектар. Не сразу мы познаем смысл одиночества как свободу: в юности нас тянет к свету, сладким плодам, блаженным цветам – в сад, где нет забот и печали.

Уходящие в глубину корабли на картине «Суда» символизируют разбитую старость (парусник – окровавленный скелет); молодость, место «золотой середины» которой зыбко: ведь до берега, до заката не так уж далеко...; детство, дарующее беспечное счастье. Три цикла человеческой жизни. И так ли важно, где мы находимся? А, может, главное, что мы чувствуем?! Все так, но мель неизбежна – каждый из нас обречен... И здесь ощущается напряженная пленительная фатальность автора. У выразительной графики Гуранды Клибадзе есть шанс стать ключом к пониманию истины – в этом обнадеживающая правда ее творчества.

Авиньон

БЫТЬ МОЛОДЫМ

■ Александр КАЛАНТАРОВ

У каждого человека есть мечта. Одни мечтают совершить подвиг, другие – купить козу, третьи – машину, четвертые – построить дирижабль и т.д. Мой друг мечтал увидеть Тадж-Махал. Он говорил: «Увидеть и умереть!» Я с детства мечтал посетить Францию, увидеть Париж, но почему-то не хотел умирать. Мечта стала явью лишь после того, как рухнул «железный занавес».

Ближний Восток мне стал ближе после поездки в Сирию и Алжир: эти страны я принял и полюбил. Но как живет пресловутый Запад с его «загнивающим капитализмом», я понятия не имел. И когда судьба преподнесла мне такой замечательный подарок, как командировка во Францию, я был на вершине блаженства.

А дело было так. В силу моей переводческой работы мне при-

ходило встречаться со многими французами – от бизнесменов, деятелей культуры, науки и техники до водителей фур и грузовиков.

Случилось так, что я оказался в Авиньоне в гостях у генерального директора по экспорту крупной строительной фирмы. Говорят, что французы редко приглашают к себе в дом гостей – не принято, мол. Стараются ограничиться ресторанами, кафе и достопримечательностями. Хотя в приснопамятное советское время и мы, грешные, не могли похвастаться нашим гостеприимством – тоже не водили гостей домой, а встречи и проводы были ресторанные, официозные... Правда, была разница – они, дескать, по «черствости характера», а мы... нам нельзя было за флажки. Итак, я – во Франции («Douce France, cher pays de mon enfance...»,

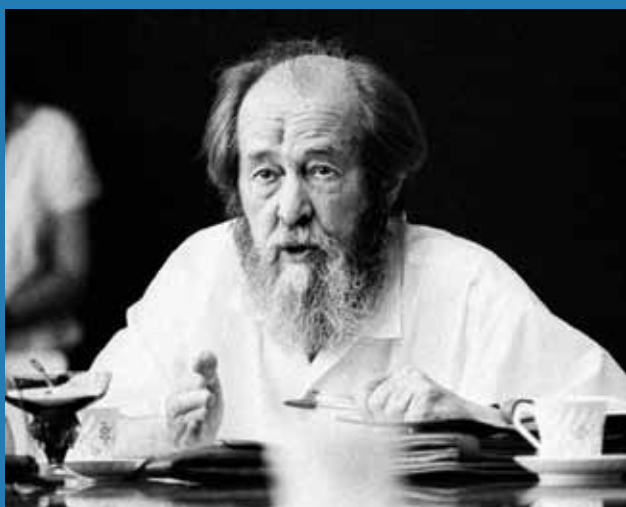
– напеваю про себя мою любимую песню Шарля Тренэ) оказался гостем французской семьи: муж, жена и трое детей. Детки были в отъезде, и мне предложили занять комнату одного из них.

Так что же такое Запад, какая она, западная молодежь, чем она отличается от наших ребят, что читают, чем увлекаются – масса вопросов и пока никакого ответа.

После ужина мне показали видео-фильм «Доктор Живаго» (эту американскую версию я уже смотрел в Бейруте в 1967 г.), вероятно, чтобы, в свою очередь, понять, кого они принимают. После просмотра фильма разговоры пошли самые откровенные, как говорится, по душам, и... все стало на свои места. Мы оказались родственными душами, скроенными из одного теста, или, по вы-

Кадр из фильма «Доктор Живаго»

Александр Солженицын

ражению Александра Исаевича Солженицына, социально близкими. Поднявшись в отведенную мне комнату, я осмотрелся – постеры на стенах, компьютер и магнитофоны на столе, полки с книгами – все, как у нас. Но вдруг мое внимание на стене привлекла одна рамочка с текстом – я решил было, что это библейские заповеди, а когда прочел текст, то ахнул. Это был перевод послания генерала Мак-Артура к американской молодежи в 1945 году. Подумал: «Что заставило молодого 18-летнего француза так уважительно отнестись к словам генерала? Какие слова он подобрал, какое содержание и какой смысл он вдохнул в свой текст?» Не буду томить читателя – вот оно, это послание, достойное внимания и нашей молодежи.

«Молодость – это не просто период жизни человека, это – состояние надежды, проявление воли, способности мечтать, интенсивный эмоциональный настрой, победа мужества над робостью, жажды приключений над тягой к покою, комфорту, удобствам жизни.

Человек стареет не только потому, что прожил некоторое количество лет, он стареет и потому, что дезертировал, сбежал от своего идеала.

Годы иссушают кожу. Отказ от своего идеала

Генерал Мак-Артур

иссушает душу. Заботы, сомнения, страх и отчаяние – вот те враги, которые медленно, но неизбежно пригибают человека к земле и превращают его в прах, прежде чем его настигнет смерть.

Молод тот, кто сохранил способность удивляться и восторгаться.

Молод тот, кто, как ребенок, без устали задает вопрос: «А что дальше?»

Молод тот, кто способен оценивать происходящие события и находить радость в той игре, имя которой жизнь.

Вы настолько молоды, насколько молода ваша вера. И вы настолько стары, насколько старыми являются ваши сомнения.

Вы молоды, пока в вас живет доверие к себе.

Вы молоды настолько, насколько молодой является ваша надежда. И стары, насколько старой является ваша неудовлетворенность собой.

Вы молоды, пока вы способны чувствовать и воспринимать. Воспринимать прекрасное, доброе, вечное. Воспринимать приметы природы, боль человека. Воспринимать бесконечность.

И если в один прекрасный день ваше сердце начнет грызть червь цинизма, пусть ниспошлет Всевышний прощение вашей душе старца»

Генерал Мак-Артур, 1945 год.

Вернувшись домой, я ознакомил с этим прекрасным текстом моих детей. Мы повесили на стену оба текста – на русском и на французском. А теперь с ними знакомятся и мои внуки.

На прощание Шандр Банфи (так зовут моего французского друга) подарил мне видео-кассету с «Доктором Живаго». Она долго «гуляла» по Москве, но ко мне так и не вернулась. Но я не жалею – ведь все остается людям.

SINCE 1884

SARAJISHVILI

ს ა რ ა ი შ ი ვ ი ლ ი

К 870-летию Москвы

МОСКВА ПРАЗДНУЕТ
ДЕНЬ ГОРОДА

